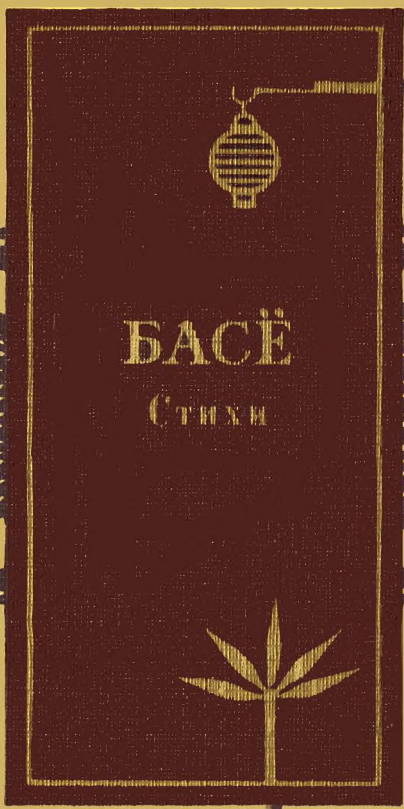

БАСЁ

БАСЁ
Стихи

БАСЁ

БАСЁ

Стихи

БАСЁ · СТИХИ

БАСЁ

Стихи

Перевод
с японского
В. МАРКОВОЙ

Гравюры
Л. ИЛЬИНОЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

И(Яп)
Б 27

Вступительная статья
и комментарии
В. Марковой

Б $\frac{4703000000-270}{028(01)-85}$ 196-85

© Художественное оформление.
Издательство «Художественная литература», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XVII столетия по дорогам Японии долгие годы странствовал человек уже не первой молодости и некрепкого здоровья, по виду похожий на нищего. Не раз, вероятно, слуги какого-нибудь знатного феодала сгоняли его с дороги, но ни один именитый князь того времени не удостоился той посмертной славы, которая выпала на долю этому неприметному путнику — великому японскому поэту Басё.

Многие художники с любовью рисовали образ странника-поэта, и сам Басё умел, как никто другой, взглянуть на себя острым глазом, со стороны.

Вот, опираясь на посох, идет он горной дорогой в осеннюю непогоду. Потрепанный халат из плотной, покрытой лаком бумаги, плащ из тростника, соломенные сандалии плохо защищают от холода и дождя. Но поэт еще находит в себе силы улыбнуться:

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

В небольшой дорожной суме хранится самое насущное: две-три любимые книги стихов, тушеч-

ница, флейта. Голову прикрывает большая, как зонт, шляпа, плетенная из кипарисовых стружек. Словно усики плюща, вьются по ее полям узоры письмен: путевые записи, стихи.

Никакие дорожные трудности не могли остановить Басё: он трясся в седле зимою, когда самая тень его «леденела на спине у коня»; шел пешком с крутизны на крутизну в разгар летней жары; ночевал где придется — «на подушке из травы», в горном храме, на неприютном постоялом дворе... Случалось ему отдыхать на гребне горного перевала, «за дальней далью облаков». Жаворонки парили у него под ногами, а до конца пути оставалась еще «половина неба».

В его время были модными «эстетские прогулки» на лоне природы. Но никак нельзя сравнивать их со странствиями Басё. Дорожные впечатления служили строительным материалом для его творчества. Он не жалел трудов — и даже самой своей жизни, — чтобы добыть их. После каждого из его путешествий появлялся сборник стихов — новая веха в истории японской поэзии. Путевые дневники Басё в стихах и прозе принадлежат к самым замечательным памятникам японской литературы.

В 1644 году в замковом городе Уэно провинции Ига у небогатого самурая Мацуо Ёдзаэмона родился третий ребенок, сын, будущий великий поэт Басё.

Когда мальчик подрос, ему дали имя Мунэфуса взамен прежних детских прозвищ. Басё — литературный псевдоним, но он вытеснил из памяти потомков все прочие имена и прозвища поэта.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова — Хонсю. Многие места на родине Басё известны своей красотой, а народная память сохра-

нила там в изобилии песни, легенды и старинные обычаи. Славилось и народное искусство провинции Ига, где умели делать чудесный фарфор. Поэт очень любил свою родину и нередко на склоне лет посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Так изобразил он то чувство, какое испытывает человек, увидев после долгого перерыва дом своего детства. Все, что раньше казалось привычным, вдруг чудесно преображается, как старое дерево весной. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже не замечаешь, — вот одна из самых значительных тем поэзии Басё.

Родные поэта были людьми образованными, что предполагало в первую очередь знание китайских классиков. И отец, и старший брат кормились тем, что преподавали каллиграфию. Такие мирные профессии стали в то время уделом многих самураев.

Кончились средневековые распри и междоусобицы, когда воин мог прославить себя ратным подвигом и завоевать мечом высокое положение. Поля великих битв поросли травой.

В начале XVII столетия одному из феодалов удалось взять верх над другими и установить в стране сильную центральную власть. В течение двух с половиной столетий потомки его — князя из рода Токугава — правили Японией (1603—1867). Резиденцией верховного правителя был город Эдо (ныне Токио). Однако столицей по-прежнему назывался город Киото, где жил лишенный всякой власти император. При его дворе звучала старинная музыка, на поэтических турнирах слагались стихи классической формы (танка).

«Замирение страны» способствовало росту городов, развитию торговли, ремесел и искусства. В основе официально принятого в стране уклада все еще лежало натуральное хозяйство, но в конце XVII века большую силу обретают деньги. И эта новая сила властно вторгалась в человеческие судьбы.

В руках менял, оптовых торговцев, ростовщиков, виноделов сосредоточились огромные богатства, в то время как в тесных улочках предместья царила неопишуемая нищета. Но, несмотря на трудности городской жизни, несмотря на бедность и скученность, все же притягательная сила города была очень велика.

В годы Гэнроку (1688—1703) городская культура достигла пышного расцвета. Простые предметы быта становились в руках умельцев замечательными произведениями искусства. Резные брелоки, наэцкэ, ширмы, веера, шкатулки, гарды мечей, цветные гравюры и многое другое, созданное в ту эпоху, служит теперь украшением музеев. Недорогие книги с превосходными иллюстрациями, печатавшиеся ксилографическим способом с резных деревянных досок, выходили большими для того времени тиражами. Купцы, подмастерья, сидельцы в лавках полюбили романы, модные стихи и театр.

В японской литературе появилось созвездие ярких талантов: кроме Басё в него входили романист Ихара Сайкаку (1642—1693) и драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724). Все они, столь непохожие друг на друга — глубокий и мудрый Басё, ироничный, земной Сайкаку и Тикамацу Мондзаэмон, достигавший в своих пьесах высокого накала страстей, — имеют между собой нечто общее: их роднит эпоха. Горожане любили жизнь. От искусства они требовали достоверности, точных жизненных наблюдений. Сама его исторически возникшая условность все более пронизывается реализмом.

Басё было двадцать восемь лет, когда в 1672 году, вопреки уговорам и предостережениям родных, он оставил службу в доме местного феодала и, полный честолюбивых надежд, отправился в Эдо с томиком своих стихов.

К тому времени Басё уже получил некоторую известность как поэт. Стихи его публиковались в столичных сборниках, его приглашали участвовать в поэтических турнирах...

Покидая родину, он прикрепил к воротам дома, где жил его друг, листок со стихами:

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

Весной один дикий гусь улетает к северу, где ждет его новая жизнь; другой, опечаленный, остается на старом месте. Стихотворение дышит юношеским романтизмом, сквозь грусть разлуки чувствуется радость полета в неведомую даль.

В Эдо поэт примкнул к последователям школы Данрин. Они брали материал для своего творчества из жизни горожан и, расширяя поэтический словарь, не чуждались так называемых прозаизмов. Эта школа была новаторской для своего времени. Стихи, написанные в стиле Данрин, звучали свежо и свободно, но чаще всего они были только жанровыми картинками. Почувствовав идейную ограниченность и тематическую узость современной ему японской поэзии, Басё в начале восьмидесятых годов обратился к классической китайской поэзии VIII—XII веков. В ней нашел он широкую концепцию мироздания и того места, которое занимает в нем человек как творец и мыслитель, зрелую гражданскую мысль, подлинную силу чувства, понимание высокой миссии поэта. Больше всего Басё любил стихи великого Ду Фу. Можно говорить об их прямом влиянии на творчество Басё.

Внимательно изучал он и насыщенную поэтическими образами философию Чжуан-цзы (369—290 гг. до н. э.), и буддийскую философию секты Дзэн, идеи которой оказали большое влияние на японское средневековое искусство.

Жизнь Басё в Эдо сложилась трудно. С помощью какого-то доброхота он устроился на государственную службу по ведомству строительства водных путей, но вскоре оставил эту должность. Он стал учителем поэзии, однако его молодые ученики были богаты только талантом. Лишь один из них, Сампу, сын состоятельного рыбника, нашел средство по-настоящему помочь поэту: он уговорил своего отца подарить Басё маленькую хижину-сторожку возле небольшого пруда, который одно время служил рыбным садком. Басё написал по этому поводу: «Девять лет я вел бедственную жизнь в городе и наконец переехал в предместье Фукагава. Мудро сказал в старину один человек: «Столица Чанъань — издревле средоточие славы и богатства, но трудно в ней прожить тому, у кого нет денег». Я тоже так думаю, ибо я нищий»¹.

В стихах, созданных в начале восьмидесятых годов, Басё любил рисовать свою убогую Банановую хижину (Басё-ан), названную им так потому, что он посадил возле нее саженцы банановой пальмы. Детально изобразил он и весь окрестный пейзаж: топкий, поросший тростником берег реки Сумида, чайные кусты, маленький заглохший пруд. Хижина стояла на окраине города, весной только крики лягушек нарушали тишину. Поэт принял новый литературный псевдоним «Живущий в Банановой хижине» и наконец начал подписывать свои стихи просто Басё (Банановое дерево).

¹ Басё имеет в виду слова великого китайского поэта Бо Цзюйи (772—846); Чанъань — столица Танского государства в Китае (VII—IX вв.).

Даже воду зимой приходилось покупать: «Горька вода из мерзлого кувшина»,— писал он. Басё остро ощущал себя городским бедняком. Но вместо того чтобы скрывать свою нищету, как другие, он говорил о ней с гордостью. Нищета стала как бы символом его духовной независимости.

В среде горожан был силен дух стяжания, мещанского скопидомства, скряжничества, но купцы не прочь были оказать покровительство тем, кто умел их забавлять. Люди искусства сплошь да рядом состояли приживалами при купцах-толстосумах. Находились такие стихотворцы, которые слагали в один день сотни и тысячи строф и этим создавали себе легкую славу. Не в этом видел назначение поэта Басё. Он рисует в своих стихах идеальный образ свободного поэта-философа, чуткого к красоте и равнодушного к жизненным благам... Если тыква-горлянка, служившая в хижине Басё кувшином для рисового зерна, опустела до дна— ну что же: он вставит в горлышко ее цветков!

Но, равнодушный к тому, что больше всего ценили другие, Басё с величайшей требовательностью и заботой относился к своему творчеству.

Стихи Басё, несмотря на предельный лаконизм их формы, никак нельзя рассматривать как беглые экспромты. Это плоды не только вдохновения, но и очень большого, напряженного труда. «Тот человек, который за всю свою жизнь создал всего три-пять превосходных стихотворений,— настоящий поэт,— сказал Басё одному из своих учеников.— Тот же, кто создал десять,— замечательный мастер».

Многие поэты, современники Басё, относились к своему творчеству, как к игре. Философская лирика Басё была явлением новым, небывалым и по серьезности тона, и по глубине идей. Творить он должен был в пределах традиционных поэтических

форм (инерция их была очень велика), но ему удалось вдохнуть в эти формы новую жизнь. В свою эпоху он ценился как непревзойденный мастер «сцепленных строф» («рэнку») и трехстиший («хокку»), но только последние полностью выдержали испытание временем.

Форма лирической миниатюры требовала от поэта жестокого самоограничения и в то же время, придавая весомость каждому слову, позволяла многое сказать и еще больше подсказать читателю, разбудив его творческое воображение. Японская поэтика учитывала встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рождают музыку.

Танка — очень древняя форма японской поэзии. Басё, сам не сочинявший танка, был большим знатоком старинных антологий. Особенно он любил поэта Сайгё, который жил отшельником в мрачные годы междоусобных войн XII века. Стихи его удивительно просты и словно идут от самого сердца. Природа для Сайгё была последним прибежищем, где в горной хижине он мог оплакивать гибель друзей и несчастья страны. Трагический образ Сайгё все время возникает в поэзии Басё и как бы сопутствует ему в его скитаниях, хотя и эпохи, в которые жили эти поэты, и их социальное бытие были весьма различны.

С течением времени танка стала четко делиться на две строфы. Иногда их сочиняли два разных поэта. Получался своего рода поэтический диалог. Его можно было продолжить как угодно долго, при любом количестве участников. Так родились «сцепленные строфы» — поэтическая форма, очень популярная в средние века.

В «сцепленных строфах» чередовались трехстишия и двустишия. Соединяя их по два, можно было получить сложную строфу — пятистишие (танка). Единого сюжета в этой длинной цепи стихотворений не было. Ценилось умение сделать неожидан-

ный поворот темы; вместе с тем каждая строфа сложнейшим образом перекликалась с соседними. Так камень, вынутый из ожерелья, бывает хорош сам по себе, но в сочетании с другими приобретает новую, дополнительную, прелесть.

Первая строфа называлась хокку. Постепенно хокку сделалось самостоятельной поэтической формой, отделившись от «сцепленных строф», и завоевало огромную популярность среди горожан¹.

В основном хокку — лирическое стихотворение о природе, в котором непременно указывается время года.

В поэзии Басё круговорот времен года — изменчивый, подвижной фон, на котором яснее прорисовываются сложная душевная жизнь человека и непостоянство человеческой судьбы.

«Идеальный», освобожденный от всего грубого пейзаж — так рисовала природу старая классическая поэзия. В хокку поэзия вновь обрела зрение. Человек в хокку не статичен, он дан в движении: вот уличный разносчик бредет сквозь снежный вихрь, а вот работник вертит мельницу-крупорушку. Та пропасть, которая уже в X веке легла между литературной поэзией и народной песней, стала менее широкой. Ворон, долбящий носом улитку на рисовом поле, — образ этот встречается и в хокку, и в народной песне. Многие сельские грамотеи, как об этом свидетельствует Басё, полюбили хокку.

В 1680 году Басё создал первоначальный вариант знаменитого в истории японской поэзии стихотворения:

¹ Второе распространенное в Японии название для этой формы — «хайку» — было введено в литературный обиход поэтом Масаока Сики только в конце XIX века. Бытует также термин «хайкай» — стихотворение «шутейного» жанра.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

К работе над этим стихотворением поэт возвращался в течение нескольких лет, пока не создал окончательный текст. Это одно говорит о том, как упорно Басё работал над каждым словом. Он отказывается здесь от штукатурства, от игры формальными приемами, столь ценимой многими современными ему мастерами поэзии, которые именно этим и создали себе известность. Затянувшиеся годы ученичества кончились. Басё нашел наконец свой путь в искусстве.

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, все предельно просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в грустной неподвижности. Поэтический образ, казалось бы, чуть намечен, но обладает большой емкостью и, завораживая, уводит за собой. Кажется, что смотришь в воды реки, дно которой очень глубоко. И в то же время он предельно конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж возле своей хижины и через него — свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Воображению читателя оставлен большой простор. Вместе с поэтом он может испытать чувство печали, навеянное осенней природой, или разделить с ним тоску, рожденную глубоко личными переживаниями. Если он знаком с китайскими классиками, он может вспомнить «Осенние песни» Ду Фу и оценить своеобразное мастерство японского поэта. Человек, сведущий в древней философии Китая (учении Лао-цзы и Чжуан-цзы), мог проникнуться созерцательным настроением и почувствовать себя соприсущим сокровенным тайнам природы. Увидеть

в малом великое — такова одна из главных идей поэзии Басё.

В основу созданной им поэтики Басё положил эстетический принцип «саби». Слово это не поддается буквальному переводу. Его первоначальное значение — «печаль одиночества». «Саби», как особая концепция красоты, определил собой весь стиль японского искусства в средние века. Красота, согласно этому принципу, должна была выражать сложное содержание в простых, строгих формах, располагавших к созерцанию. Покой, притушенность красок, элегическая грусть, гармония, достигнутая скудными средствами, — таково искусство «саби», звавшее к сосредоточенной созерцательности, к отрешению от повседневной суеты.

«Саби», как его широко толковал Басё, впитало в себя квинтэссенцию классической японской эстетики и философии и значил для него то же, что «идеальная любовь» для Данте и Петрарки. Сообщая возвышенный строй мыслям и чувствам, «саби» становилось родником поэзии.

Поэтика, основанная на принципе «саби», нашла свое наиболее полное воплощение в пяти стихотворных сборниках, созданных Басё и его учениками в 1684—1691 годах: «Зимние дни», «Весенние дни», «Заглохшее поле», «Тыква-горлянка» и «Соломенный плащ обезьяны» (книга первая).

Несмотря на свою идейную глубину, принцип «саби» не позволял изобразить живую красоту мира во всей ее полноте. Такой большой художник, как Басё, должен был неизбежно это почувствовать. Поиски скрытой сущности каждого отдельного явления становились однообразно утомительными. Кроме того, философская лирика природы, согласно принципу «саби», отводила человеку только роль пассивного созерцателя.

В последние годы жизни Басё провозгласил новый ведущий принцип поэтики — «каруми» (легкость). Он сказал своим ученикам: «Отныне я стрем-

люсь к стихам, которые были бы мелки, как река Сунагава («Песчаная река»).

Слова поэта не следует понимать слишком буквально, скорее в них звучит вызов подражателям, которые, слепо следуя готовым образцам, стали во множестве сочинять стихи с претензией на глубокомыслие. Поздние стихи Басё отнюдь не мелки, они отличаются высокой простотой, потому что говорят о простых человеческих делах и чувствах. Стихи становятся легкими, прозрачными, текучими. В них сквозит тонкий, добрый юмор, теплое сочувствие к людям много видевшего, много испытывавшего человека. Великий поэт-гуманист не мог замкнуться в условном мире возвышенной поэзии природы. Вот картинка из крестьянского быта:

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

А вот в городе готовятся к новогоднему празднику:

Обметают копать.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

В подтексте этих стихотворений — сочувственная улыбка, а не насмешка, как это бывало у других поэтов. Басё не разрешает себе никакого гротеска, искажающего образ.

Памятником нового стиля Басё являются два поэтических сборника: «Мешок угля» (1694) и «Соломенный плащ обезьяны» (книга вторая), вышедший уже после смерти Басё, в 1698 году.

Творческая манера поэта не была постоянной, она несколько раз менялась в соответствии с его духовным ростом. Поэзия Басё — летопись его жизни. Внимательный читатель, перечитывая стихи Басё, каждый раз открывает что-то новое для себя.

Это и есть одно из замечательных свойств действительно великой поэзии.

Значительная часть стихотворений Басё — плоды его путевых раздумий. Многие стихи, полные пронзающей силы, посвящены умершим друзьям. Есть стихи на случай (и некоторые из них превосходны): в похвалу гостеприимному хозяину, в знак благодарности за присланный подарок, приглашения друзьям, подписи к картинам. Маленькие мадригалы, крошечные элегии, но как много в них сказано! Как слышится в них жажда человеческого участия, просьба не позабыть, не ранить обидным равнодушием! Не раз поэт отказывался от своих слишком забывчивых друзей, запирали дверь хижины, чтобы скорее отворить ее снова.

«Хокку нельзя составлять из разных кусков, как ты это сделал,— говорил Басё своему ученику.— Его надо ковать, как золото». Каждое стихотворение Басё — гармоническое целое, все элементы которого подчинены единой задаче: наиболее полно выразить поэтическую мысль.

Басё создал пять путевых дневников, написанных лирической прозой в чередовании со стихами: «Кости, белеющие в поле», «Путешествие в Касима», «Письма странствующего поэта», «Дневник путешествия Сарасина» и наиболее известный — «По тропинкам севера»¹. Лирическая проза его отмечена чертами того же стиля, что и хокку: она сочетает изящество с «прозаизмом» и даже простонародностью многих выражений, предельно лаконична и богата скрытым эмоциональным подтекстом. И в ней тоже, как и в поэзии, Басё сочетал верность

¹ Басё. По тропинкам севера (лирический дневник XVII века), перев., вступ. статья и примеч. Н. Фельдман.— В кн. «Восток». Сб. I. Литература Китая и Японии. М., 1935.

старинным традициям с умением увидеть жизнь по-новому.

Зимой 1682 года пожар уничтожил значительную часть Эдо, сгорела и «Банановая хижина» Басё. Это, как он сам говорит, дало окончательный толчок давно созревшему в нем решению отправиться странствовать. Осенью 1684 года он покинул Эдо в сопровождении одного из своих учеников. Десять лет с небольшими перерывами странствовал Басё по Японии. Иногда он возвращался в Эдо, где друзья отстроили его «Банановую хижину». Но вскоре вновь его, «как послушное облачко», увлекал ветер странствий. Он скончался в городе Осака, окруженный своими учениками.

Басё шел по дорогам Японии, как посол самой поэзии, зажигая в людях любовь к ней и приобщая их к подлинному искусству. Он умел найти и пробудить творческий дар даже в профессиональном нищем. Басё проникал иногда в самую глубь гор, где «никто не подберет с земли упавший плод дикого каштана», но, ценя уединение, все же никогда не был отшельником. В странствиях своих он не бежал от людей, а сближался с ними. Длинной чередой проходят в его стихах крестьяне за полевыми работами, погонщики лошадей, рыбаки, сборщики чайных листьев.

Басё запечатлел их чуткую любовь к красоте. Крестьянин разгибает на миг свою спину, чтобы полюбоваться полной луной или послушать столь любимый в Японии крик пролетной кукушки. Порой Басё изображает природу в восприятии крестьянина, как бы отождествляя себя с ним. Он радуется густым колосьям в поле или тревожится о том, что ранние дожди испортят солому. Глубокое участие к людям, тонкое понимание их душевного мира — одно из лучших свойств Басё как поэта-гуманиста. Вот почему в разных уголках страны как праздника ждали его прихода.

С удивительной силой духа Басё стремился к большой, поставленной им себе цели. Поэзия в его время пришла в упадок, и он чувствовал себя призванным поднять ее до уровня высокого искусства. Дорога странствий стала творческой мастерской Басё. Новую поэзию нельзя было создать, запершись в четырех стенах.

«Великий учитель с Южной горы»¹ заповедал некогда: «Не иди по следам древних, но ищи то, что искали они». Это верно и для поэзии», — такую мысль высказал Басё в прощальном напутствии одному из своих учеников. Иными словами, для того чтобы уподобиться поэтам древности, надо было не просто подражать им, но заново пройти их путь, увидеть то, что видели они, заразиться их творческим волнением, но писать по-своему.

Лирическая поэзия Японии традиционно воспевала природу, например, красоту кустарника хаги. Осенью его тонкие гибкие ветки покрываются белорозовыми цветами. Любование цветами хаги — этим исчерпывалась в старину тема стихотворения. Но вслушайтесь, как говорит Басё об одиноком путнике в поле:

Намокший, идет под дождем...
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.

Образы природы в поэзии Басё очень часто имеют второй план, иносказательно говоря о человеке и его жизни. Алы́й стручок перца, зеленая скорлупа каштана осенью, дерево сливы зимою — символы непобедимости человеческого духа. Осминог в ловушке, спящая цикада на листке, унесенная потоком воды, — в этих образах поэт выразил

¹ Имеется в виду Кобо-дайси (774—835) — буддийский проповедник, поэт, писатель и ученый.

свое чувство непрочности бытия, свои размышления о трагизме человеческой судьбы.

Многие стихи Басё навеяны преданиями, легендами и сказками. Его понимание красоты имело глубокие народные корни.

Для Басё было характерно ощущение нерасторжимого единства природы и человека, а за плечами людей своего времени он всегда чувствовал дыхание огромной, уходящей в глубь веков истории. В ней он находил прочную почву для искусства.

В эпоху Басё простым людям жилось очень трудно и в городе и в деревне. Поэт был свидетелем многих бедствий. Он видел детей, покинутых на верную гибель обнищавшими родителями. В самом начале дневника «Кости, белеющие в поле» есть такая запись:

«Возле реки Фудзи я услышал, как жалобно плачет покинутый ребенок лет трех от роду. Унесло его быстрым течением, и не было у него сил вынести натиск волн нашего скорбного мира. Брошенный, он горюет о своих близких, пока еще теплится в нем жизнь, летучая, как росинка. О маленький кустик хаги, нынче ли ночью ты облетишь или завтра увянешь? Проходя мимо, я бросил ребенку немного еды из своего рукава.

Грустите вы, слушая крик обезьян,
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?»

Сын своего времени, Басё, однако, говорит дальше, что в гибели ребенка не повинен никто, так предрешило веление неба. «Человек во власти грозной судьбы» — такая концепция человеческой жизни неизбежно порождала чувство незащищенности, одиночества, печали. Современный прогрессивный писатель и литературовед Такакура Тэру отмечает:

«По моему мнению, новая литература Японии начинается с Басё. Именно он острее всех, с наибольшей болью выразил страдания японского народа, которые выпали ему на долю в эпоху перехода от средних веков к новому времени»¹.

Печаль, звучащая во многих стихах Басё, имела не только философские и религиозные корни и не была только отзвуком его личной судьбы. Поэзия Басё выразила трагизм переходной эпохи, одной из самых значительных в истории Японии, и потому была близка и понятна его современникам.

Творчество Басё так многогранно, что его трудно свести к одному знаменателю. Он сам называл себя «печальником», но был и великим жизнелюбцем. Радость внезапной встречи с прекрасным, веселые игры с детьми, яркие зарисовки быта и нравов,— с какой душевной щедростью поэт расточает все новые и новые краски для изображения мира! В конце своей жизни Басё пришел к той мудрой и просветленной красоте, которая доступна только большому мастеру.

Поэтическое наследие, оставленное Мацуо Басё, включает в себя хокку и «сцепленные строфы». В числе его прозаических сочинений — дневники, предисловия к книгам и отдельным стихам, письма. Они содержат в себе немало мыслей Басё об искусстве. Кроме того, ученики записали его беседы с ними. В этих беседах Басё выступает как своеобразный и глубокий мыслитель.

Он основал школу, совершившую переворот в японской поэзии. Среди его учеников были такие высокоодаренные поэты, как Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Кёсай, Сámпу, Сикбó.

¹ Такакура Тэру. Новая японская литература. Токио, «Ряонся», 1953, с. 90.

Нет японца, который не знал бы на память хотя бы несколько стихотворений Басё. Появляются новые издания его стихов, новые книги о его творчестве. Великий поэт с годами не уходит от своих потомков, а приближается к ним.

По-прежнему любима, популярна и продолжает развиваться лирическая поэзия хокку (или хайку), фактическим создателем которой был Басё.

Читая стихи Басё, следует помнить одно: все они коротки, но в каждом из них поэт искал путь от сердца к сердцу.

В. МАРКОВА

ТРЕХСТИШИЯ

* * *

Луна — путеводный знак —
Просит: «Сюда пожалуйста!»
Дорожный приют в горах.

* * *

Наскучив долгим дождем,
Ночью сосны прогнали его..
Ветви в первом снегу.

* * *

Сыплются льдинки.
Снега белая занавесь
В мелких узорах.

Отцу, потерявшему сына

Поник головой,—
Словно весь мир опрокинут,—
Под снегом бамбук.

* * *

Ирис на берегу.
А вот другой — до чего похож! —
Отраженье в воде.

* * *

Вечерним вьюнком
Я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забытьи.

* * *

Бутоны вишневых цветов,
Скорей улыбнитесь все сразу
Прихотям ветерка!

В ответ на просьбу сочинить стихи

Вишни в весеннем расцвете.
Но я — о горе! — бессилён открыть
Мешок, где спрятаны песни.

* * *

Люди вокруг веселятся —
И только... В стремнину реки Хацусэ
Глядят невоспетые вишни.

* * *

Ива свесила нити...
Никак не уйду домой —
Ноги запутались.

* * *

Перед вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Пристыженная луна.

Покидая родину

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

* * *

Роща на склоне горы.
Как будто гора перехвачена
Поясом для меча.

В горах Саё-но Накаяма

«Вершины жизни моей!»
Под сенью дорожной шляпы
Недолгого отдыха час.

* * *

О ветер со склона Фудзи!
Принес бы на веере в город тебя,
Как драгоценный подарок.

* * *

Прошел я сотню ри.
За дальней далью облаков
Присяду отдохнуть.

Снова на родине

Глаз не отвести..
Не часто видел я в Эдó
Луну над гребнем гор.

Новогоднее утро

Всюду ветки сосен у ворот.
Словно сон одной короткой ночи —
Промелькнули тридцать лет.

* * *

«Осень уже пришла!» —
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к постели моей.

* * *

Майских дождей пора.
Будто море светится огоньками —
Фонари ночных сторожей.

* * *

Иней его укрыл,
Стелет постель ему ветер...
Брошенное дитя.

* * *

Сегодня «травой забвенья»
Хочу я приправить мой рис,
Старый год провожая.

* * *

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеется свежий срез.

* * *

Желтый лист плывет.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснешься ты?

* * *

Все выбелил утренний снег.
Одна примета для взора —
Стрелки лука в саду.

* * *

Как разлилась река!
Цапля бредет на коротких ножках,
По колено в воде.

* * *

Тихая лунная ночь...
Слышно, как в глубине капитана
Ядрышко гложет червяк.

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

*Богачи лакомятся вкусным мясом, могучие воины
довольствуются листьями и кореньями сурепки.
А я — я просто-напросто бедняк*

Снежное утро,
Сушеную рыбу глотать одному —
Вот моя участь.

*Девять лет я вел бедственную жизнь в городе и
наконец переехал в предместье Фукагава. Мудро
сказал в старину один человек: «Столица Чанъ-
ань — издревле средоточие славы и богатства, но
трудно в ней прожить тому, у кого нет денег».
Я тоже так думаю, ибо я — нищий*

Шатая дощатую дверь,
Сметает к ней листья с чайных кустов
Зимний холодный вихрь.

Надпись на картине

Единственное украшение —
Ветка цветов мукугб в волосах.
Голый крестьянский мальчик.

* * *

Видно, кукушку к себе
Манят колосья в поле:
Машут, словно ковыль...

* * *

Что глупей темноты!
Хотел светлячка поймать я —
И напоролся на шип.

* * *

Во тьме безлунной ночи
Лисица стелется по земле,
Крадется к спелой дыне.

* * *

Все в мире быстротечно!
Дым убегает от свечи,
Изодран ветхий полог.

Юной красавице

Мелькнула на миг...
В красоте своей нерасцветшей —
Лик вечерней луны.

*Мой друг Рика прислал мне в подарок
саженцы банановой пальмы*

Бананы я посадил.
О молодой побег тростника,
Впервые тебе я не рад!

* * *

Кишат в морской траве
Прозрачные мальки... Поймаешь —
Растают без следа.

* * *

Росинки на горных розах.
Как печальны лица сейчас
У цветов полевой сурепки!

Весной собирают чайный лист

Все листья сорвали сборщицы...
Откуда им знать, что для чайных кустов
Они — словно ветер осени!

*Печалюсь, глядя на луну; печалюсь, думая о своей
судьбе; печалюсь о том, что я такой неумелый! Но
никто не спросит меня: отчего ты печален? И мне,
одинокому, становится еще грустнее*

Печалью свой дух просвети!
Пой тихую песню за чашкой похлебки.
О ты, «печальник луны»!

В хижине, крытой тростником

Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

Зимней ночью в предместье Фукагава

Восла хлещут по ледяным волнам.
Сердце стынет во мне.
Ночь — и слезы.

В день высокого прилива

Рукава землю запачканы.
«Ловцы улиток» весь день по полям
Бродят, бродят без роздыха.

Ответ ученику

А я — человек простой!
Только вьюнок расцветает,
Ем свой утренний рис.

Старик Ду Фу

Вихрь поднимая своей бородой,
Стонешь, что поздняя осень настала...
«О, кто на свет породил тебя?»

Зимой покупаю кувшин питьевой воды

Зимой горька вода со льдом!
«Но крысе водяной немного надо...»
Чуть-чуть я горло увлажнил.

* * *

Ночной халат так тяжел.
Чудится мне, в дальнем царстве У
С неба сыплется снег...

* * *

Где же ты, кукушка?
Вспомни, сливы начали цвести,
Лишь весна дохнула.

* * *

Ива склонилась и спит,
И кажется мне, соловей на ветке —
Это ее душа.

*В печали сильнее почувствуешь, что вино —
великий мудрец; в нищете впервые познаешь,
что деньги — божество*

Пируют в дни расцвета вишен.
Но мутное вино мое бело,
Но с шелухою рис мой черный.

* * *

Топ-топ — лошадка моя.
Вижу себя на картине —
В просторе летних лугов.

В хижине, отстроенной после пожара

Слушаю, как градины стучат.
Лишь один я здесь не изменился,
Словно этот старый дуб.

Первая проба кисти в году

Настал новогодний праздник.
Но я печален... На память мне
Приходит глухая осень.

* * *

Далекий зов кукушки
Напрасно прозвучал. Ведь в наши дни
Перевелись поэты.

Стихи в память поэта Сэмпу

К тебе на могилу принес
Не лотоса листья святые —
Пучок полевой травы.

*Грущу, одинокий, в хижине, похоронив
своего друга — монаха Доккая*

Некого больше манить!
Как будто навеки замер,
Не шелохнется ковыль.

*В доме Кавано Сёха стояли в надтреснутой вазе
стебли цветущей дыни, рядом лежала цитра без
струн, капли воды сочились и, падая на цитру,
заставляли ее звучать*

Стебли цветущей дыни.
Падают, падают капли со звоном...
Или это — «цветы забвенья»?

Напутствие другу

О, если ты стихов поэта не забыл
Скажи себе в горах Саё-но Накаяма:
Вот здесь он тоже отдыхал в тени!

* * *

В тесной хибарке моей
Озарила все четыре угла
Луна, заглянув в окно.

Недолгий отдых в гостеприимном доме

Здесь я в море брошу наконец
Бурями истрепанную шляпу,
Рваные сандалии мои.

Рушат рис

Не узнают суровой зимы
В этом доме... Пестика дробный стук —
Словно сыплется частый град.

* * *

Послышится вдруг «шорх-шорх».
В душе тоска шевельнется...
Бамбук в морозную ночь.

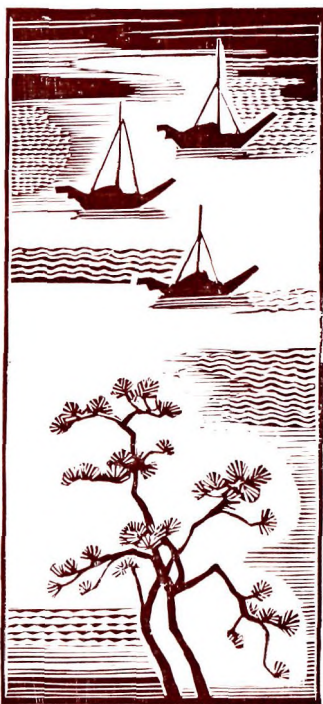
На чужбине

Тоненький язычок огня,—
Застыло масло в светильнике.
Проснешься... Какая грусть!

* * *

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

* * *

Поля по-зимнему глядят.
Лишь кое-где крестьяне бродят,
Сбирая листья первых трав.

* * *

Бабочки полет
Будит тихую поляну
В солнечном свету.

Вид на залив Наруми

Случается и ногам кораблей
В такой весенний день отдыхать.
Персики на морском берегу.

* * *

Встречный житель гор
Рта не разомкнул. До подбородка
Достает ему трава.

* * *

На луну загляделись.
Наконец-то мы можем вздохнуть! —
Мимолетная тучка.

* * *

Как свещет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

* * *

К утренним вьюнкам
Летит с печальным звоном
Слабеющий москит.

* * *

И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьет горопливо
С хризантемы росу.

* * *

Цветы увяли.
Сыплются, падают семена,
Как будто слезы...

* * *

Порывистый листобой
Спрятался в рощу бамбука
И понемногу утих.

На Новый год

Сколько снегов уже видели,
Но сердцем не изменились они —
Ветки сосен зеленые!

* * *

Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнем.

Смотрю в окно после болезни

Храма Каннон там, вдалеке,
Черепичная кровля алеет
В облаках вишневых цветов.

* * *

О, проснись, проснись!
Ставь товарищем моим,
Спящий мотылек!

Памяти друга

На землю летят,
Возвращаются к старым корням...
Разлука цветов!

* * *

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

Другу, уехавшему в западные провинции

Запад или Восток —
Всюду одна и та же беда,
Ветер равно холодит.

Хожу кругом пруда

Праздник осенней луны.
Кругом пруда, и опять кругом,
Ночь напролет кругом!

Кувшин для хранения зерна

Вот все, чем богат я!
Легкая, словно жизнь моя,
Тыква-горлянка.

* * *

Этой, поросшей травой,
Хижине верен остался лишь ты,
Разносчик зимней сурепки.

* * *

Первый снег под утро.
Он едва-едва пригнул
Листики нарцисса.

* * *

Я выпил вина,
Но мне только хуже не спится...
Ночной снегопад.

* * *

Вода так холодна!
Успнуть не может чайка,
Качаясь на волне.

* * *

С треском лопнул кувшин:
Ночью вода в нем замерзла.
Я пробудился вдруг.

* * *

Базар новогодний в городе.
И мне бы его посетить хоть раз!
Купить курительных палочек.

* * *

Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.

Надев платье, подаренное на Новый год

Кто это, скажи?
Сам себя вдруг не узнал я
Утром в Новый год.

Уезжающему другу

Друг, не забудь
Скрытый незримо в чаще
Сливовый цвет!

* * *

Эй, мальчик-пастух!
Оставь же сливе немного веток,
Срезая хлысты.

* * *

Морская капуста легче...
А носит торговец-старик на плече
Корзины тяжелых устриц.

* * *

Облака вишневых цветов!
Звон колокольный доплыл... Из Уэно
Или Асáкуса?

* * *

В чашечке цветка
Дремлет шмель. Не тронь его,
Воробей-дружок!

* * *

Аиста гнездо на ветру.
А под ним — за пределами бури —
Вишен спокойный цвет.

* * *

Долгий день напролет
Поет — и не напоется
Жаворонок весной.

Другу, который отправляется в путь

Гнездо, покинутое птицей...
Как грустно будет мне глядеть
На опустелый дом соседа.

* * *

Над простором полей —
Ничем к земле не привязан —
Жаворонок звенит.

* * *

Майские льют дожди.
Что это? — лопнул на бочке обод? —
Звук неясный ночной...

Овдовевшему другу

В белом цвету плетень
Возле дома, где не стало хозяйки...
Холодом обдает.

* * *

Как волосами оброс,
Как худ я, как иссиня-бледен!
Майский дождь без конца.

* * *

Пойдем, друзья, поглядим
На плавучие гнезда уток
В разливе майских дождей!

* * *

Звонко долбит
Столб одинокой хижины
Дятел лесной.

* * *

Нынче выпал ясный день.
Но откуда брызжут капли?
В небе облака клочок.

* * *

Ветку, что ли, обломил
Ветер, пробегая в соснах? —
Как прохладен плеск воды!

* * *

Чистый родник!
Вверх побежал по моей ноге
Маленький краб.

* * *

Рядом с цветущим вьюнком
Отдыхает в жару молотильщик.
Как он печален, наш мир!

В опустевшем саду друга

Он дыни здесь растил.
А ныне старый сад заглох...
Вечерний холодок.

* * *

Вот здесь в опьяненье
Уснуть бы на этих речных камнях,
Поросших гвоздикой...

* * *

В похвалу поэту Рика

Будто в руки взял
Молнию, когда во мраке
Ты зажег свечу.

* * *

Как быстро летит луна!
На неподвижных ветках
Повисли капли дождя.

* * *

На ночь, хоть на ночь одну,
О кусты цветущие хаги,
Приютите бродячего пса!

* * *

Важно ступает
Цапля по свежему жнивю.
Осень в деревне.

* * *

Бросил на миг
Обмолачивать рис крестьянин,
Глядит на луну.

* * *

Праздник Бон миновал.
Вечера все темнее.
Голоса цикад.

* * *

Вялые листья батата
На высохшем поле. Восхода луны
Ждут не дождутся крестьяне.

* * *

Снова встают с земли,
Тускнея во мгле, хризантемы,
Прибитые сильным дождем.

* * *

Совсем легла на землю,
Но неизбежно зацветет
Больная хризантема.

* * *

Тучи набухли дождем
Только над гребнем предгорья.
Фудзи — белеет в снегу.

На морском побережье

Весь в песке, весь в снегу!
С коня мой спутник свалился,
Захмелев от вина.

* * *

Мыс Ирагодзáки.
Голос ястреба... Что в целом мире
На тебя похоже?

* * *

Ростки озимых взошли.
Славный приют для отшельника —
Деревня среди полей.

* * *

Молись о лучших днях!
На зимнее дерево сливы
Будь сердцем похож.

Дорожный ночлег

Сосновую хвою жгу.
Сушу на огне полотенце...
Зимняя стужа в пути.

* * *

Снега, снега, снега...
А ведь как будто нынче полнолуние,
Последнее в году?

На родине

Хлюпают носами...
Милый сердцу деревенский звук!
Зацветают сливы.

* * *

Персиков расцвет!
А за ними — первая в году —
Вишня чуть видна.

* * *

В чарку с вином,
Ласточки, не уроните
Глины комок.

* * *

В гостях у вишневых цветов
Я пробыл ни много ни мало:
Двадцать счастливых дней.

* * *

Прощайте, о вишен цветы!
Спасибо вам за радушный прием,
За щедрую доброту.

* * *

Под сенью вишневых цветов,
Я, словно старинной драмы герой,
Ночью прилег уснуть.

* * *

Вишни в полном цвету!
А рассвет такой, как всегда,
Там, над дальней горой...

* * *

В мареве майских дождей
Только один не тонет
Мост над рекой Сэта́.

Ловля светлячков над рекой Сэта

Еще мелькают в глазах
Горные вишни... И чертят огнем
Вдоль них светлячки над рекой.

* * *

Здесь когда-то замок стоял...
Пусть мне первый расскажет о нем
Бьющий в старом колодце родник.

Осенним вечером

Кажется, что сейчас
Колокол тоже в ответ загудит...
Так цикады звенят.

* * *

Как летом густеет трава!
И только у однолиста
Один-единственный лист.

* * *

Словно хрупкий юноша,
О цветы, забытые в полях,
Вы напрасно вянете.

*Смотрю ночью, как проплывают мимо
рыбачьи лодки с корморанами*

Было весело мне, но потом
Стало что-то грустно... Плывут
На рыбачьих лодках огни.

В похвалу новому дому

Дом на славу удался!
На задворках воробьи
Просо радостно клюют.

* * *

Все вьюнки на одно лицо.
А тыквы-горлянки осенью?
Двух одинаковых нет!

* * *

Осень уже недалеко.
Поле в колосьях и море —
Одного зеленого цвета.

* * *

И просо и конопля...
Все же не худо живется
В хижине, крытой травой.

* * *

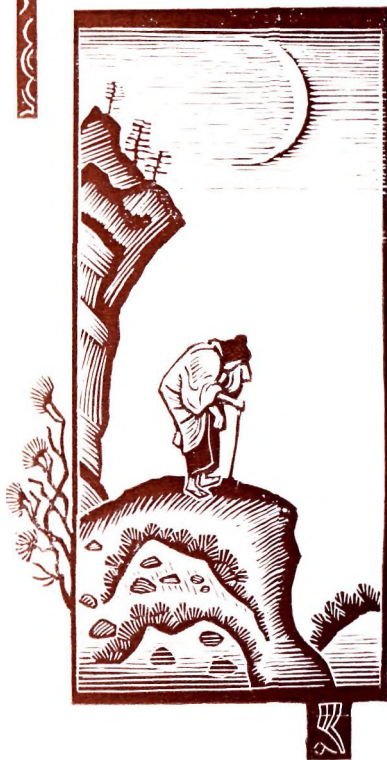
О нет, готовых
Я для тебя сравнений не найду,
Трехдневный месяц!

* * *

Неподвижно висит
Темная туча вполнеба...
Видно, молнию ждет.

* * *

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему,—
Вот высший подвиг цветка!

* * *

Жизнь свою обвил
Вкруг висячего моста
Этот дикий плющ.

На горе «Покинутой старухи»

Мне приснилась давняя быль:
Плачет брошенная в горах старуха,
И только месяц ей друг.

* * *

То другим говорил «прощай!»,
То прощались со мной... А в конце пути
Осень в горах Кисó.

* * *

С ветки скатился каштан.
Тому, кто в дальних горах не бывал,
В подарок его отнесу.

*В похвалу императору Нинтоку, который с кровли
любовался народным праздником*

Вот высшая радость его!
Народ веселится... Во всех дворах
Курятся дымком очаги.

* * *

Только одни стихи!
Вот все, что в «Приют банановый»
Поэту весна принесла.

Другу

Посети меня
В одиночестве моем!
Первый лист упал...

* * *

Кончился в доме рис...
Поставлю в тыкву из-под зерна
«Женской красы» цветок.

* * *

А я не хочу скрывать:
Похлебка из вареной ботвы
С перцем — вот мой обед!

* * *

Еще стоят там и тут
Островками колосья несжатые...
Тревожно кричит бекас.

Поэт Рика скорбит о своей жене

Одеяло для одного.
И ледяная, черная
Зимняя ночь... О печаль!

В день очищения от грехов

Дунул свежий ветерок,
С плеском выскочила рыба...
Омовение в реке.

* * *

Зимние дни в одиночестве.
Снова спиной прислонюсь
К столбу посредине хижинны.

Отец тоскует о своем ребенке

Все падают и шипят.
Вот-вот огонь в глубине золы
Погаснет от слез.

Письмо на север

Помнишь, как любовались мы
Первым снегом? Ах, и в этом году
Он, уж верно, выпал опять.

* * *

Срезан для крыши камыш.
На позабытые стебли
Сыплется мелкий снежок.

Ранней весной

Вдруг вижу,— от самых плеч
Моего бумажного платья
Паутинки, зыблясь, растут.

Уступаю на лето свой дом

И ты постояльцев
Нашла весной, моя хижина:
Станешь домиком кукол.

* * *

Весна уходит.
Плачут птицы. Глаза у рыб
Полны слезами.

* * *

Солнце заходит.
И паутинки тоже
В сумраке тают...

* * *

Звон вечернего колокола —
И то здесь, в глуши, не услышишь.
Весенние сумерки.

На горе «Солнечного света»

О священный восторг!
На зеленую, на молодую листву
Льется солнечный свет.

* * *

Вот он — мой знак путеводный!
Посреди высоких трав луговых
Человек с охапкою сена.

* * *

Сад и гора вдали
Дрогнули, движутся, входят
В летний раскрытый дом.

Крестьянская страда

Полоть... Жать...
Только и радости летом —
Кукушки крик.

* * *

Погонщик! Веди коня
Вон туда, через поле!
Там кукушка поет.

Возле «Камня смерти»

Ядом дышит скала.
Кругом трава покраснела.
Даже роса в огне.

В тени ивы, воспелой Сайгё

Все поле из края в край
Покрылось ростками... Только тогда
Я покинул, ива, тебя.

Ветер на старой заставе Сиракава

Западный ветер? Восточный?
Нет, раньше послушаю, как шумит
Ветер над рисовым полем.

Увидел, как высоко поднялись ростки на поле

Побеги риса лучше слов
Сказали мне, как почернел лицом я,
Как много дней провел в пути!

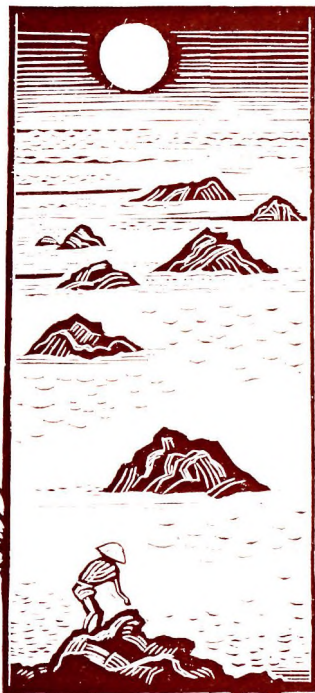
*По пути на север слушаю песни
крестьян*

Вот исток, вот начало
Всего поэтического искусства!
Песня посадки риса.

* * *

Майские дожди
Водопад похоронили —
Залили водой.

* * *

Островки... Островки...
И на сотни осколков дробится
Море летнего дня.

На старом поле битвы

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье.

* * *

Какое блаженство!
Прохладное поле зеленого риса...
Воды журчанье...

* * *

Тишина кругом.
Проникает в сердце скал
Легкий звон цикад.

* * *

Какая быстрина!
Река Могами собрала
Все майские дожди.

* * *

Там, где родится поток,
Низко склонилась ива:
Ищет ледник в земле.

* * *

Трехдневный месяц
Над вершиною «Черное крыло»
Прохладой веет.

* * *

Облачная гряда
Расколосась... Недаром, вершина,
Ты зовешься «Горой луны».

* * *

Какая вдруг перемена!
Я спустился с гор — и подали мне
Первые баклажаны.

* * *

Жар солнечного дня
Река Могами унесла
В морскую глубину.

* * *

«Ворота прилива».
Омывает цаплю по самую грудь
Прохладное море.

* * *

Первая дыня, друзья!
Разделим ее на четыре части?
Разрежем ее на кружки?

* * *

Сушатся мелкие окуньки
На ветках ивы... Какая прохлада!
Рыбачьи хижины на берегу.

* * *

Пестик из дерева.
Был ли он сливой когда-то?
Был ли камелией?

Накануне «Праздника Танабата»

Праздник «Встречи двух звезд».
Даже ночь накануне так непохожа
На обычную ночь.

* * *

Бушует морской простор!
Далеко, до острова Садо,
Стелется Млечный Путь.

В гостинице

Со мной под одною кровлей
Две девушки... Ветки хаги в цвету
И одинокий месяц.

* * *

Как пахнет зреющий рис!
Я шел через поле, и вдруг —
Направо залив Арисб.

*Перед могильным холмом
рано умершего поэта Иссё*

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

* * *

Краснос-красное солнце
В пустынной дали... Но леденит
Этот ветер осенний.

Местность под названием «Сосенки»

«Сосенки»... Милое имя!
Клонятся к сосенкам на ветру
Кусты и осенние травы.

* * *

Сыплются ягоды с веток...
Шумно вспорхнула стая скворцов.
Утренний ветер.

* * *

Равнина Мусáси вокруг.
Ни одно не коснется облако
Дорожной шляпы твоей.

В осенних полях

Намокший, идет под дождем,
Но песни достоин и этот путник.
Не только хаги в цвету.

Шлем Санэмори

О, беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит.

Расстаюсь в пути со своим учеником

Отныне иду один.
На шляпе надпись: «Нас двое»...
Я смою ее росой.

* * *

Белее белых скал
На склонах Каменной горы
Осенний этот вихрь!

* * *

Хотел бы я двор подмести
Перед тем, как уйти... Возле храма
Ивы листья роняют свои.

Расставаясь с другом

Прощальные стихи
На веере хотел я написать,—
В руке сломался он.

Собрались на берегу любоваться луной

Да разве только луну? —
И борьбу сегодня из-за дождя
Не удалось посмотреть.

*В бухте Цуруга, где некогда
затонул колокол*

Где ты, луна, теперь?
Как затонувший колокол,
Скрылась на дне морском.

* * *

Волна на миг отбежала.
Среди маленьких раковин розовеют
Лепестки опавшие хаги.

* * *

Бабочкой никогда
Он уж не станет... Напрасно дрожит
Червяк на осеннем ветру.

*Я открыл дверь и увидел на западе гору Ибуки.
Ей не надо ни вишневых цветов, ни снега,
она хороша и сама по себе*

Такая, как есть!
Не надо ей лунного света...
Ибуки-гора.

*На берегу залива Фугами,
где жил поэт Сайгё*

Может, некогда служил
Тушечницей этот камень?
Ямка в нем полна росы.

* * *

Я осенью в доме один.
Что ж, буду ягоды собирать,
Плоды собирать с ветвей.

* * *

Домик в уединенье.
Луна... Хризантемы... В придачу к ним
Клочок небольшого поля.

* * *

Холодный дождь без конца.
Так смотрит продрогшая обезьянка,
Будто просит соломенный плащ.

* * *

До чего же долго
Льется дождь! На голом поле
Жниво почернело.

* * *

Зимняя ночь в саду.
Ниткой тонкой — и месяц в небе,
И цикады чуть слышный звон.

В горной деревне

Монахини рассказ
О прежней службе при дворе...
Кругом глубокий снег.

Играю с детьми в горах

Дети, кто скорей?
Мы догоним шарики
Ледяной крупы.

* * *

Снежный заяц — как живой!
Но одно осталось, дети:
Смастерим ему усы.

* * *

Скажи мне, для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?

* * *

Проталина в снегу,
А в ней — светло-лиловый
Спаржи стебелек.

* * *

Весенние льют дожди.
Как тянется вверх чернобыльник
На этой заглохшей тропе!

* * *

Воробышки над окном
Пищат, а им отзываются
Мыши на чердаке.

* * *

Продавец бонитов идет.
Какому они богачу сегодня
Помогут ушиться вином?

* * *

Как нежны молодые листья
Даже здесь, на сорной траве,
У позабытого дома.

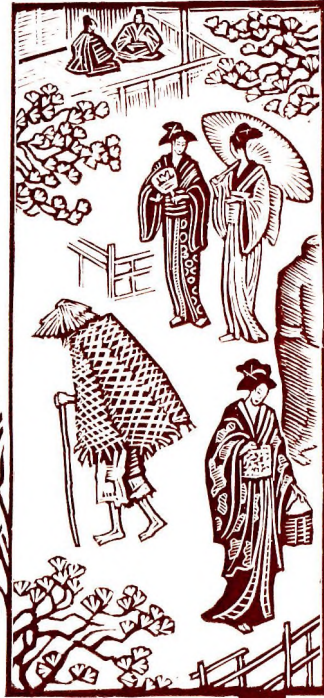
* * *

Камелии лепестки...
Может быть, соловей уронил
Шапочку из цветов?

* * *

Дождик весенний...
Уж выпустили по два листка
Семена баклажанов.

* * *

Над старой рекой
Молодыми почками налились
Ивы на берегу.

* * *

Листья плюща...
Отчего-то их дымный пурпур
О былом говорит.

*На картину, изображающую человека
с чаркой вина в руке*

Ни луны, ни цветов.
А он и не ждет их, он пьет,
Одинокий, вино.

Встречаю Новый год в столице

Праздник весны...
Но кто он, прикрытый рогожей
Нищий в толпе?

* * *

Замшелый могильный камень.
Под ним — наяву это или во сне? —
Голос шепчет молитвы.

* * *

Все кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.

* * *

Не думай с презрением:
«Какие мелкие семена!»
Это красный перец.

* * *

На высокой насыпи — сосны,
А меж ними вишни видны и дворец
В глубине цветущих деревьев...

* * *

Сначала покинул траву...
Потом деревья покинул...
Жаворонка полет.

* * *

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывет.

Моему ученику

Путник в дальней стране!
Вернись, тебе покажу я
Истинные цветы.

* * *

Чуть дрожат паутинки.
Тонкие нити травы сайкó
В полумраке трепещут.

* * *

С четырех сторон
Вишен лепестки летят
В озеро Ниб.

* * *

Минула весенняя ночь.
Белый рассвет обернулся
Морем вишен в цвету.

* * *

Жаворонок поет.
Звонким ударом в чаще
Вторит ему фазан.

* * *

Роня лепестки,
Вдруг пролил горсточку воды
Камелии цветок.

* * *

Ручеек чуть заметный.
Проплывают сквозь чащу бамбука
Лепестки камелий.

* * *

Весенний ветер.
Отозвалась на чьи-то голоса
Гора Мика́са.

* * *

Алые сливы в цвету...
К той, кого никогда я не видел,
Занавеска рождает любовь.

* * *

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.

Поселяюсь в уединенной хижине

Прежде всего у тебя
Ищу я защиты, высокий дуб,
В тенистом летнем лесу.

* * *

Столица уже примелькалась,
Но прежнее очарование воскресло,
Когда я услышал кукушку.

* * *

Майский дождь бесконечный.
Мальвы куда-то тянутся,
Ищут дорогу солнца.

* * *

Слабый померанца аромат.
Где?.. Когда?.. В каких полях, кукушка,
Слышал я твой перелетный крик?

* * *

Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

* * *

Падает с листком...
Нет, смотри! На полдороге
Светлячок вспорхнул.

Ночью на реке Сэта

Любуемся светлячками.
Но лодочник ненадежен: он пьян —
И лодку уносят волны...

* * *

Как ярко горят светлячки,
Отдыхая на ветках деревьев!
Дорожный ночлег цветов!

* * *

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад.

* * *

В старом моем домишке
Москиты почти не кусаются.
Вот все угощенье для друга!

* * *

Утренний час
Или вечерний,— вам все равно,
Дыни цветы!

* * *

И цветы и плоды!
Всем сразу богата дыня
В лучшую пору свою.

* * *

Хижина рыбака.
Замешался в груди креветок
Одинокий сверчок.

*Жители Киото отдыхают в летнюю жару возле реки
Камо от самого того часа, когда восходит вечерняя
луна, и до восхода солнца. Всю ночь они пьют вино
и веселятся. На женщинах пояса повязаны изящным
узлом, мужчины в нарядных накидках. Среди тол-
пы виднеются и монахи и старики. Даже подма-
стерья бочаров и кузнецов, вырвавшись на свободу,
поют и горланят волюю*

Речной ветерок.
Повсюду халаты мелькают
Цвета бледной хурмы.

*Один мудрый монах сказал: «Учение секты Дзэн,
неверно понятое, наносит душам большие увечья».
Я согласился с ним*

Стократ благородней тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
«Вот она — наша жизнь!»

* * *

Праздник поминовения душ!
Но и сегодня на старом кладбище
Поднимается новый дымок.

* * *

Весь двор возле храма
Завесили листьями своими
Банановые пальмы.

В монастыре

Пьет свой утренний чай
Настоятель в спокойствии важном.
Хризантемы в саду.

* * *

Белый волос упал.
Под моим изголовьем
Не смолкает сверчок.

* * *

Больной опустился гусь
На поле холодной ночью.
Сон одинокий в пути.

В ночь осеннего полнолуния

В сиянии луны
Ни одного в собрание не осталось
Прекрасного лица.

* * *

Прозрачна осенняя ночь.
Далеко, до Семизвездия,
Разносится стук вальков.

* * *

«Сперва обезьяны халат!» —
Просит прачек выбить вальком
Продрогший поводырь.

* * *

Пугают, гонят с полей!
Вспорхнут воробьи и спрячутся
Под сенью чайных кустов.

* * *

Позади дощатой ограды
Кричат пронзительно перепела
В облетевшей роще павлоний.

* * *

Даже дикого кабана
Закружйт, унесет с собою
Этот зимний вихрь полевой!

* * *

Уж осени конец,
Но верит в будущие дни
Зеленый мандарин.

К портрету друга

Повернись ко мне!
Я тоскую тоже
Осенью глухой.

* * *

Ем похлебку свою один.
Словно кто-то играет на цитре —
Град по застрехе стучит.

В дорожной гостинице

Переносный очаг.
Так, сердце страстивый, и для тебя
Нет покоя нигде.

* * *

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

* * *

Сушеная эта макрель
И нищий монах изможденный
На холоде в зимний день.

* * *

Всю долгую ночь,
Казалось мне, стынет бамбук...
Утро встало в снегу.

*Получаю летний халат в подарок
от поэта Сампу*

И я нарядился!
Так тонок халат мой летний —
Крылья цикады!

* * *

Стебли морской капусты.
Песок заскрипел на зубах...
И вспомнил я, что старею.

* * *

Поздно пришел мандзай
В горную деревушку.
Сливы уже зацвели.

* * *

Ждем восхода луны.
Ветку сливы несет на плече
Мальчик-монах.

В деревне

Вконец отощавший кот
Одну ячменную кашу ест..
А еще и любовь!

* * *

Ночь. Бездонная тьма.
Верно, гнездо свое потерял —
Стонет где-то кулик.

* * *

Откуда вдруг такая лень?
Едва меня сегодня добудились...
Шумит весенний дождь.

* * *

Грозовая гора.
Ветер в чаще бамбука
Протоптал тропу.

* * *

Откуда кукушки крик?
Сквозь чащу густого бамбука
Сочится лунная ночь.

* * *

Печального, меня
Сильнее грустью напои,
Кукушки дальний зов!

* * *

В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна.

Нахожу свой детский рисунок

Детством пахнуло...
Старый рисунок я отыскал,—
Ростки бамбука.

* * *

Майский докучный дождь...
Обрывки цветной бумаги
На обветшалай стене.

* * *

Что ни день, что ни день —
Все желтее колосья.
Жаворонки поют.

Женщина готовит тимаки

Листок бамбука в руке...
Другой рукой заправляет
Прядь выбившихся волос.

* * *

Уединенный дом
В сельской тиши... Даже дятел
В эту дверь не стучит!

В летний зной

«Безводный месяц» пришел.
Кто хвалит леща морского, а я —
Соленое мясо кита.

* * *

Без конца моросит.
Лишь мальвы сияют, как будто
Над ними безоблачный день.

* * *

Зеленеет один,
Осеннему ветру наперекор,
Спелый каштан.

* * *

В темном хлеву
Звон москитов чуть слышен...
Конец жаре.

В ночь полнолуния

Друг мне в подарок прислал
Рису, а я его пригласил
В гости к самой луне

* * *

Легкий речной ветерок.
Чай хорош! И вино хорошо!
И лунная ночь хороша!

* * *

Глубокою стариной
Повеяло... Сад возле храма
Засыпан палым листом.

Луна шестнадцатой ночи

Так легко-легко
Выплыла — и в облаке
Задумалась луна.

* * *

Откройте дверь!
Лунный свет впустите
В храм Укимидо!

* * *

Шестнадцатая ночь.
Успеем ли сварить креветок?
Так мало длится тьма!

* * *

Стропила моста поросли
«Печаль-травой»... Сегодня она
Прощается с полной луной.

* * *

Кричат перепела.
Должно быть, вечереет.
Глаз ястреба померк.

Благоденствие большой семьи

Деды, отцы, внуки!
Три поколения, а в саду —
Хурма, мандарины...

* * *

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

* * *

Белый грибок в лесу.
Какой-то лист незнакомый
К шляпке его прилип.

* * *

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.

В день «Праздника хризантем»

Одинокий мой шалаш!
День померк — и вдруг вино прислали
С лепестками хризантем.

* * *

Варят на ужин лапшу.
Как пылает под котелком огонь
В эту холодную ночь.

* * *

Ночная тишина.
Лишь за картиной на стене
Звенит-звенит сверчок.

* * *

И мотылек прилетел!
Он тоже пьет благовонный настой
Из лепестков хризантем.

* * *

Блестят росинки.
Но есть у них привкус печали,
Не позабудьте!

* * *

Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла? —
Одна скорлупка осталась.

* * *

Опала листва.
Весь мир одноцветен.
Лишь ветер гудит.

В деревне

Рушит старуха рис.
А рядом — знак долголетия —
Хризантемы в цвету.

* * *

Посадили деревья в саду.
Тихо, тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь.

* * *

Чтоб холодный вихрь
Ароматом напоить, опять раскрылись
Поздней осенью цветы.

Хозяин и гость

Друг на друга нарцисс
И белая ширма бросают
Отблески белизны.

Собрались ночью, чтоб любоваться снегом

Скоро ли свежий снег?
У всех ожиданье на лицах...
Вдруг зимней молнии блеск!

* * *

Скалы среди криптомерпий!
Как заострил их зубцы
Зимний холодный ветер!

* * *

Сокол рванулся ввысь.
Но крепко охотник держит его —
Сечет ледяная крупа.

* * *

Вновь зеленеют ростки
В осенних полях. Под утро —
Иней точно цветы.

* * *

Радостно глядеть:
Ночью снегом станет
Этот зимний дождь!

* * *

Все засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.

*Вернувшись в Эдо
после долгого отсутствия*

...Но, на худой конец, хоть вы
Еще под снегом уцелели,
Сухие стебли камыша.

* * *

Соленые морские окуни
Висят, ощеривая зубы.
Как в этой рыбной лавке холодно!

* * *

«Нет покоя от детей!»
Для таких людей, наверно,
И вишневый цвет не мил.

* * *

К далекой Фудзи идем.
Вдруг она скрылась в роще камелий.
Просвет... Выходим к селу.

* * *

Есть особая прелесть
В этих, бурей измятых,
Сломанных хризантемах.

*Прохожу осенним вечером через старые
ворота Расёмон в Киото*

Ветка хаги задела меня...
Или демон схватил меня за голову
В тени ворот Расёмон?

Монах Сэнка скорбит о своем отце

Темно-мышинный цвет
Рукавов его рясы
Еще холодней от слез.

* * *

Уродливый ворон —
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!

Зимняя буря в пути

Словно копоть сметает,
Криптомерий вершины треплет
Налетевшая буря.

Под Новый год

Рыбам и птицам
Не завидую больше... Забуду
Все горести года.

* * *

Влюбленные коты
Умолкли. Смотрит в спальню
Туманная луна.

* * *

Незримая весна!
На обороте зеркала
Узор цветущих слив.

Прогулка по городу

Без конца и без счета
Хоромы, пагоды, сливы в цвету,
Весенние ивы...

* * *

Всюду поют соловьи.
Там — за бамбуковой рощей,
Тут — перед ивой речной.

В горах Кисо

Покорна зову сердца
Земля Кисо. Пронзили старый снег
Весенние побеги.

* * *

С ветки на ветку
Тихо сбегают капли...
Дождик весенний.

* * *

Через изгородь
Сколько раз перепорхнули
Крылья бабочки!

Посадка риса

Не успела отнять руки,
Как уже ветерок весенний
Поселился в зеленом ростке.

* * *

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.

* * *

Только дохнет ветерок —
С ветки на ветку ивы
Бабочка перепорхнет.

* * *

Возле старого храма
Под цветущими персиками работник
Мельницу вертит ногою.

* * *

Как завидна их судьба!
К северу от суетного мира
Вишни зацвели в горах.

* * *

Разве вы тоже из тех,
Кто не спит, опьянен цветами,
О мыши на чердаке?

* * *

Дождь в тутовой роще шумит...
На земле едва шевелится
Большой шелковичный червь.

* * *

Еще на острие конька
Над кровлей солнце догорает.
Вечерний вееет холодок.

* * *

Плотно закрыла рот
Раковина морская.
Невыносимый зной!

* * *

Хризантемы в полях
Уже говорят: забудьте
Жаркие дни гвоздик!

Переезжаю в новую хижину

Листья банапов
Луна развесила на столбах
В хижине новой.

*Желаю долголетия старухе,
которой исполнилось семьдесят семь лет
семь месяцев и семь дней*

Тысяча хаги
Пусть вырастет из семи корней.
Звездная осень.

* * *

При свете новой луны
Земля в полумраке тонет.
Белой гречихи поля.

* * *

В лунном сиянье
Двигается к самым воротам
Гребень прилива.

* * *

Слово скажу —
Леденеют губы.
Осенний вихрь!

* * *

Ты, как прежде, зеленым
Мог бы остаться... Но нет! Пришла
Пора твоя, алый перец.

* * *

Ладят зимний очаг.
Как постарел знакомый печник!
Побелели пряди волос.

Ученику

Сегодня можешь и ты
Понять, что значит быть стариком!
Осенняя морось, туман...

Зимний день

Крошат на ужин бобы.
Вдруг удары в медную чашку...
Нищий монах, подожди!

* * *

Пеплом угли подернулись.
На стене колыхается тень
Моего собеседника.

* * *

Отметаю снег.
Но о снеге забыл я...
Метла в руке.

* * *

Жила не напрасно
И ты, затворница-устрица!
Новогодний праздник.

* * *

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

Памяти друга, умершего на чужбине

Ты говорил, что «вернись-трава»
Звучит так печально... Еще печальней
Фиалки на могильном холме.

Провожая в путь монаха Сэнгина

Журавль улетел.
Исчезло черное платье из перьев
В дымке цветов.

* * *

Дождь набегает за дождем,
И сердце больше не тревожат
Ростки на рисовых полях.

* * *

Кукушка вдаль летит,
А голос долго стелется
За нею по воде.

* * *

Изумятся птицы,
Если эта лютня зазвучит.
Лепестки запляшут...

* * *

Эй, послушайте, дети!
Дневные выюнки уже расцвели.
Ну-ка, очистим дыню!

*Скорблю о том, что в праздник
«Встречи двух звезд» льет дождь*

И на небе мост унесло!
Две звезды, рекою разлучены,
Одиноко на скалах спят.

*Оплакиваю кончину поэта Мацукура
Ранрана*

Где ты, опора моя?
Мой посох из крепкого тута
Осенний ветер сломал.

*Посещаю могилу Ранрана в третий день
девятого месяца*

Ты тоже видел его,
Этот узкий серп... А теперь он блестит
Над твоим могильным холмом.

Памяти поэта Тодзюна

Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

* * *

Утренний вьюнок.
Запер я с утра ворота,
Мой последний друг!

* * *

Белых капель росы
Не проливая, колышется
Хаги осенний куст.

* * *

Первый грибок!
Еще, осенние росы,
Он вас не считал.

* * *

Как хризантемы расцвели
У каменщика на дворе
Среди разбросанных камней!

* * *

Петушья гребешки.
Они еще краснее
С прилетом журавлей.

* * *

А вам и печали нет,
«Птицы сорокалетия» — сороки,
Что старость напомнили мне!

* * *

Убитую утку несет,
Выкрикивая свой товар, продавец...
Праздник Эбисукó.

Похвала угощенью

Как сельдерей хорош
С далеких полей у предгорья,
Подернутых первым ледком!

* * *

Ни одной росинки
Им не уронить...
Лед на хризантемах.

* * *

Еще не легли снега.
Но, предчувствуя тяжкую ношу,
Склонился бамбук до земли.

* * *

Рисовой шелухою
Все осыпано: ступки края,
Белые хризантемы...

* * *

Примостился мальчик
На седле, а лошадь ждет.
Собирают редьку.

В старом господском доме

Давно обветшала сосна
На золоченых шпирмах.
Зима в четырех стенах.

* * *

Еще живым
За ночь в один комок
Смерзся трепанг.

* * *

Утка прижалась к земле.
Платьем из крыльев прикрыла
Голые ноги свои...

Новый мост

Все бегут посмотреть...
Как стучат деревянные подошвы
По морозным доскам моста!

* * *

Едкая редька...
И суровый, мужской
Разговор с самураем.

Перед Новым годом

Обметают копоть.
Для себя на этот раз
Плотник полку ладит.

* * *

На небе месяц побледнел.
Настал последний день в году.
Повсюду пестики стучат.

*Увидев выставленную на продажу картину работы
Кано Мотонобу*

...Кисти самого Мотонобу!
Как печальна судьба хозяев твоих!
Близятся сумерки года.

* * *

О, весенний дождь!
С кровли ручейки бегут
Вдоль осиных гнезд.

На реке

Ветер, дождем напоенный,
Срывает с плеч соломенный плащ.
Волнует весенние ивы...

* * *

Под раскрытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.

* * *

С неба своих вершин
Одни лишь речные ивы
Еще проливают дождь.

* * *

Зеленая ива роняет
В мутную тину концы ветвей.
Час вечерний отлива.

* * *

Хотел бы создать я стихи,
С лицом моим старым несхожие,
О, первая вишня в цвету!

*Пришел я любоваться вишнями Уэно.
Люди отгородились занавесями, поют веселые песни.
А я поодаль, в густой тени сосны, сижу один*

Передо мною стоят
Четыре простые чашки.
Смотрю на цветы один.

* * *

Я к цветущим вишням плыву,
Но застыло весло в руках:
Ивы на берегу!

*Поэту, построившему себе новый дом.
Надпись на картине моей собственной
работы*

Не страшны ей росы:
Глубоко пчела укрылась
В лепестках пиона.

* * *

Пригорок у самой дороги.
На смену погасшей радуге —
Азалии в свете заката.

* * *

Молния в тьме ночной.
Озера гладь водяная
Искрами вспыхнула вдруг.

* * *

По озеру волны бегут.
Одни о жаре сожалеют
Закатные облака.

* * *

Голос пролетной кукушки,
Отдыхая в тени листвы,
Слушают сборщицы чая.

Прощаясь с друзьями

Уходит земля из-под ног.
За легкий колос хватаюсь...
Разлуки миг наступил.

* * *

Голос летнего соловья!..
В роще молодого бамбука
Он о старости плачет своей.

* * *

На пути в Суру́га
Аромат цветущих померанцев,
Запах листьев чая...

* * *

С темного неба гони,
О река могучая Ои,
Майские облака!

* * *

Весь мой век в пути!
Словно вскапывая маленькое поле,
Взад-вперед брожу.

На сельской дороге

Ношу хвороста отвезла
Лошадка в город.. Трусит домой,—
Бочонок вина на спине.

Ученикам

Не слишком мне подражайте!
Взгляните, что толку в сходстве таком? —
Две половинки дыни.

* * *

Какою свежестью веет
От этой дыни в каплях росы,
С налипшей влажной землею!

* * *

Жаркого лета разгар!
Как облака клубятся
На Грозовой горе!

* * *

Образ самой прохлады
Кистью рисует бамбук
В рощах селенья Сага.

* * *

«Прозрачный водопад»...
Упала в светлую волну
Сосновая игла.

Актер танцует в саду

Сквозь прорези в маске
Глаза актера смотрят туда,
Где лотос благоухает.

На сборище поэтов

Осень уже на пороге.
Сердце тянется к сердцу
В хижине тесной.

* * *

Что за славный холодок!
Пятками уперся в стену
И дремлю в разгаре дня.

*Глядя, как пляшет актер, вспоминаю картину,
на которой нарисован танцующий скелет*

Молнии блеск!
Как будто вдруг на его лице
Колыхнулся ковыль.

Посещают семейные могилы

Вся семья побрела на кладбище.
Идут, сединой убеленные,
Опираясь на посохи.

Услышав о кончине монахини Дзютэй

О, не думай, что ты из тех,
Кто цены не имеет в мире!
Поминовения день...

Снова в родном селенье

Как изменились лица!
Я прочитал на них старость свою.
Все — словно зимние дыни.

* * *

Старая деревушка.
Ветки усеяны красной хурмой
Возле каждого дома.

* * *

Лунным светом обманут,
Я подумал: вишневый цвет!
Нет, хлопчатника поле.

* * *

Луна над горой.
Туман у подножья.
Дымятся поля.

В ночь осеннего полнолуния

Кто любит нынче тобой?
Луна над горами Ёсино,
Шестнадцать ри до тебя.

* * *

Повисло на солнце
Облако... Вкось по нему —
Перелетные птицы.

* * *

Не поспела гречиха,
Но потчуют полем в цветах
Гостя в горной деревне.

* * *

Чем же там люди кормятся?
Домик прижался к земле
Под осенними ивами.

* * *

Конец осенним дням.
Уже разводит руки
Каштана скорлупа.

* * *

Только стали сушить
Солому нового сбора... Как рано
В этом году дожди!

* * *

Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи будд.

* * *

Осеннюю мглу
Разбила и гонит прочь
Беседа друзей.

* * *

О, этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний,
И — ни души кругом.

* * *

Отчего я так сильно
Этой осенью старость почувял?
Облака и птицы.

В доме поэтессы Сономэ

Нет! Не увидишь здесь
Ни единой пылинки
На белизне хризантем.

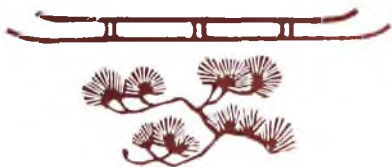
* * *

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
«А как живет мой сосед?»

На одре болезни

В пути я занемог.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

СТИХИ
ИЗ ПУТЕВОГО
ДНЕВНИКА
«КОСТИ,
БЕЛЕЮЩИЕ
В ПОЛЕ»

Отправляясь в путь

Может быть, кости мои
Выбелит ветер... Он в сердце
Холодом мне дохнул.

* * *

Я встретил осень здесь в десятый раз.
Прощай, Эдо! На родину иду.
Но родиной я буду звать тебя.

* * *

Туман и осенний дождь.
Но пусть невидима Фудзи.
Как радуется сердце она!

* * *

Грустите вы, слушая крик обезьян!
А знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

* * *

На самом виду, у дороги,
Цветы мокугэ расцвели.
И что же? — Мой конь общипал их.

* * *

Я заснул на копе.
Сквозь дремоту вижу далекий месяц.
Где-то ранний дымок.

* * *

Безлунная ночь. Темнота.
С криптомерией тысячелетней
Схватился в обнимку вихрь.

В долине, где жил поэт Сайгё

Девушки моют батат в ручье.
Будь это Сайгё вместо меня,
Песню сложили б ему в ответ.

Женщине по имени «Мотылек»

Воскурила аромат
Орхидея, чтоб душистыми
Стали крылья мотылька.

* * *

Листья плюща трепещут.
В маленькой роще бамбука
Ропщет первая буря.

Прядка волос покойной матери

Растает в руках моих,—
Так горячи мои слезы,—
Белый иней волос.

Селение позади бамбуковой чащи

Лук для очистки хлопка.
Звон тетивы, словно пенье струн,—
Здесь в бамбуковой чаще.

В саду старого монастыря

Ты стоишь нерушимо, сосна!
А сколько монахов отжило здесь,
Сколько вьюнков отцвело...

Ночлег в горном храме

О, дай мне еще послушать,
Как грустно валёк стучит в темноте,
Жена настоятеля храма!

Источник, воспетый Сайгё

Роняет росинки — ток-ток —
Источник, как в прежние годы...
Смыть бы мирскую грязь!

На могиле императора Годайго

На забытом могильном холме
«Печаль-трава» разрослась... О чем
Печалишься ты, трава?

* * *

Ты так же печален,
Как сердце погибшего здесь Ёситомо,
О ветер осенний!

* * *

Мертвы на осеннем ветру
Поля и рощи. Исчезла
И ты, застава Фувá!

* * *

Нет, нет, я не погиб в пути!
Конец ночлегам на большой дороге
Под небом осени глухой.

* * *

Белый пион зимой!
Где-то кричит морская ржанка —
Эта кукушка снегов.

* * *

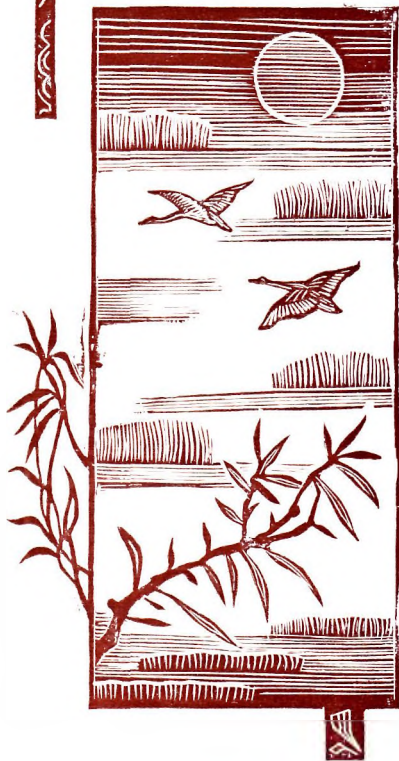
На утренней бледной заре
Мальки — не длиннее вершка —
Белеют на берегу.

Возле развалин старого храма

Даже «печаль-трава»
Здесь увяла. Зайти в харчевню?
Лепешку, что ли, купить?

*Мне невольно пришел на память мастер «безумных
стихов» Тикусай, бродивший в былые дни
по этой дороге*

«Безумные стихи»... Осенний вихрь...
О, как же я теперь в своих лохмотьях
На Тикусая нищего похож!

* * *

Подушка из травы.
И мокнет пес какой-то под дождем...
Ночные голоса.

* * *

Эй, послушай, купец!
Хочешь, продам тебе шляпу,
Эту шляпу в снегу?

* * *

Даже на лошадь всадника
Засмотришься — так дорога пустынна.
А утро такое снежное!

* * *

Сумрак над морем.
Лишь крики диких уток вдали
Смутно белеют.

* * *

Вот и старый кончается год,
А на мне дорожная шляпа
И сандалии на ногах.

* * *

Чей это зять там идет?
Тестю несет на спине подарки.
Начинается «год Быка».

* * *

Весеннее утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

* * *

В храме молюсь всю ночь.
Стук башмаков... Это мимо
Идет ледяной монах.

Хозяину сливового сада

О, как эти сливы белы!
Но где же твои журавли, чародей?
Их, верно, украли вчера?

Посещаю отшельника

Стоит величаво,
Не замечая вишневых цветов,
Дуб одинокий.

* * *

Пусть намокло платье мое,
О цветущие персики Фусими,
Сыпьте, сыпьте капли дождя!

* * *

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

* * *

Смутно клубятся во тьме
Лиственниц ветви, туманной
Вишен в полном цвету.

*В полдень присел отдохнуть
в дорожной харчевне*

Ветки азалий в горшке,
А рядом крошит сухую треску
Женщина в их тени.

* * *

Такой у воробышка вид,
Будто и он любит
Поле сурепки в цвету.

*После двадцатилетней разлуки встречаюсь
со старым другом*

Два наших долгих века...
А между нами в кувшине
Вишен цветущие ветви.

* * *

Ну же, идем! Мы с тобой
Будем колосья есть по пути,
Спать на зеленой траве.

Узнаю о смерти друга

О где ты, сливовый цвет?
Гляжу на цветы сурепки —
И слезы бегут, бегут.

Расстаюсь с учеником

Крыльями бьет мотылек.
Хочет их белому маку
Оставить в прощальный дар.

Покидая гостеприимный дом

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

* * *

Молодой конек
Щиплет весело колосья.
Отдых на пути.

*Вернувшись в конце четвертого месяца в свою
хижину, отдыхаю от дорожной усталости*

Тонкий летний халат.
До сих пор дорожных вшей из него
Не кончил я выбирать.

СТИХИ
ИЗ ПУТЕВОГО
ДНЕВНИКА
«ПИСЬМА
СТРАНСТВУЮЩЕГО
ПОЭТА»

*В одиннадцатый день десятого месяца
отправляюсь в далекий путь*

Странник! — Это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний...

* * *

«О, смотрите, смотрите,
Как темно на Звездном мысу!»
Стонут чайки над морем.

* * *

До столицы — там, вдали —
Остается половина неба...
Снеговые облака.

* * *

Что мне зимний холод!
С другом я делю ночлег.
Радостно на сердце.

* * *

Солнце зимнего дня.
Тень моя леденеет
У коня на спине.

* * *

Берег Ирагодзаки.
Я заметил ястреба вдалеке,
Какая радость!

На обновление храма Ацуга

Очищено от ржавчины времен,
Вновь воссияло зеркало, а снег
Цветами вишен кровлю убелил.

* * *

Сколько выпало снега!
А ведь где-то люди идут
Через горы Хакбнэ.

* * *

Все морщинки на нем разглажу!
Я в гости иду — любоваться на снег —
В этом старом платье бумажном.

* * *

А ну, скорее, друзья!
Пойдем по первому снегу бродить,
Пока не свалимся с ног.

В саду богача

Только сливы аромат
Приманил меня к застрехе
Этой новой кладовой.

Перед Новым годом

Пришел на ночлег, гляжу —
Зачем-то народ суетится...
Обметают копоть в домах.

* * *

Если бы шел я пешком,
На «Холме дорожного посоха»
Я не упал бы с коня.

*Другу, проспавшему первый день
нового года*

Смотри же, друг мой, не проспай
С похмелья и второе утро
Прекрасной, как цветок, весны.

* * *

Ей только девять дней,
Но знают и поля и горы:
Весна опять пришла.

* * *

Ключья трав прошлогодних...
Короткие, не длиннее вершка,
Первые паутинки.

Там, где когда-то высилась статуя Будды

Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.

В саду покойного поэта Сэнгина

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Посещаю храмы Исэ

Где, на каком они дереве,
Эти цветы — не знаю,
Но ароматом повеяло...

*С грустью думаю о простодушной вере Дзога,
раздавшего всю свою одежду нищим*

И я бы остался нагим...
Да снова пришлось бы одеться —
Дует холодный вихрь.

Развалины храма на горе Бодайсан

Расскажи мне, какие печали
Видела эта гора в старину,
Ты, собирающий здесь коренья!

Встретившись с местным ученым

...Но прежде всего спрошу:
Как зовут на адежном наречье
Этот тростник молодой?

Встречаю двух поэтов, отца и сына

От единого корня растут
И старая и молодая слива.
Обе льют аромат.

Посещаю бедную хижину

Во дворе посажен батат.
Заглушили его, разрослись у ворот
Молодые побеги травы.

В святылище Исэ

Деревце сливы в цвету
Позади обители юных жриц.
Сколько прелести в нем!

* * *

В путь! Покажу я тебе,
Как в далеком Ёсино вишни цветут,
Старая шляпа моя.

* * *

Едва-едва я добрел,
Измученный, до ночлега...
И вдруг — глициний цветы!

Храм богини Каннон в Хацусэ

Весенняя ночь в святилище.
Какой прелестной мне кажется та,
Что в темном углу здесь молится.

У подножия горы Кацураги

А я на него поглядел бы!
Ужель он уродлив, бог этой горы?
Рассвет меж цветущих вишен.

* * *

Парящих жаворонков выше,
Я в небе отдохнуть присел,—
На самом гребне перевала.

Водопад «Ворота Дракона»

Вишни у водопада...
Тому, кто доброе любит вино,
Снесу я в подарок ветку.

* * *

Лишь ценителю тонких вин
Расскажу, как сыплется водопад
В пене вишневых цветов.

* * *

С шелестом облетели
Горных роз лепестки...
Дальний шум водопада.

* * *

Охочусь на вишни в цвету.
В день прохожу я — славный ходок! —
Пять ри, а порой — и шесть.

* * *

Погасли лучи на цветах.
Тень дерева в сумерках... Кипарис?
«Завтра стану» им. Асунарó.

Ручей возле хижины, где обитал Сайгэ

Словно вешний дождь
Бежит под навесом ветвей...
Тихо шепчет родник.

* * *

Вновь оживает в сердце
Тоска о матери, об отце.
Крик одинокий фазана!

* * *

Успешную весну
В далекой гавани Вака
Я наконец догнал.

В день смены зимней одежды на летнюю

Я лишнее платье снял,
Несу в узелке за спиною.
Вот и летний наряд.

Посещаю город Нара

В день рождения Будды
Он родился на свет,
Маленький олененок.

*Когда епископ Гандзин, основатель храма Сёдай-
дзи, плыл в Японию, он больше семидесяти дней
провел в пути, и глаза его выел соленый морской
ветер. Увидев статую его, я сказал:*

Молодые листья...
Если б мог я капли отереть
С глаз твоих незрячих!

Расстаюсь в Нара со старым другом

Как ветки оленьего рога
Расходятся из единого комля,
Так с тобою мы расстаемся.

Посещаю дом друга в Осака

В саду, где раскрылись ирисы,
Беседовать с старым другом свопм,—
Какая награда путнику!

*Я не увидел осеннего полнолуния на берегу
Сумá*

Светит луна, но не та.
Словно я не застал хозяина...
Лето на берегу Сума.

* * *

Увидел я раньше всего
В лучах рассвета лицо рыбака,
А после — цветущий мак.

* * *

Рыбаки пугают ворон.
Под нацеленным острием стрелы
Кукушки тревожный крик.

* * *

Там, куда улетает
Крик предрассветный кукушки,
Что там? — далекий остров.

Флейта Санэмори

Храм Сумадэра.
Слышу, флейта играет сама собой
В темной гуще деревьев.

*От бухты Сумá до бухты Акаси́ можно добраться
пешком, так близко они друг от друга. Поэтому я
сказал:*

Улитка, улитка!
Покажи нам рожки,
Где Сума, где Акаси!

*Провожу ночь на корабле
в бухте Акаси*

В ловушке осьминог.
Он видит сон — такой короткий! —
Под летнею луной.

СЦЕПЛЕННЫЕ
СТРОФЫ
(РЭНКУ)
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО
СБОРНИКА
«СОЛОМЕННЫЙ
ПЛАЩ
ОБЕЗЬЯНЫ»

I

В городе нечем вздохнуть.
Бродят душные запахи...
Летней ночи луна.

(Бонгё)

II

«Жарко! Жарко! Нет сил...»
Голоса у каждых ворот.

(Басё)

III

В разгаре еще на полях
Вторая прополка риса,
А колос уже налился.

(Басё)

IV

Усталый крестьянин стряхнул
С рыбешки сушеной пепел.

(Бонтё)

V

Здесь, как на чудо, глядят
На серебряную монету...
Глухая харчевня в горах.

(Басё)

VI

Вот уж совсем не к месту! —
У парня длинный кинжал.

(Кёрай)

VII

Вдруг выпрыгнет в темноте
Вспугнутая лягушка
Из чащи спутанных трав.

(Бонтё)

VIII

Сбиравшая травы женщина
Роняет из рук фонарь.

(Басё)

IX

От мира она отреклась
В те дни, когда набухали
На вишне бутоны цветов.

(Кёрай)

X

Как тягостно жить зимою
На дальнем морском берегу!

(Бонтё)

XI

Кажется, стал бы глотать
Рыбу вместе с костями
Этот иссохший старик.

(Басё)

XII

Привратник в дворец обветшалый
Юношу тайно впустил.

(Кёрай)

XIII

Ширмы упали вдруг...
Неопытные служанки
Толкнули их невзначай.

(Бонтё)

XIV

Какая убогая баня!
Циновки на грубом полу.

(Басё)

XV

Летучие семена
Осенних трав рассыпает
Холодный вечерний вихрь.

(Кёрай)

XVI

Озябший бонза спешит
Скорее в храм воротиться.
(Бонтё)

XVII

Печально бредет поводырь,
К своей обезьяне привязан...
Осенняя светит луна.
(Басё)

XVIII

«О, если б хоть мерку риса
Для подати мне собрать!»
(Кёрай)

XIX

Пять-шесть живых деревьев
Переброшены через лужу...
На топких полях вода.
(Бонтё)

XX

Прохожий в белых носках
Забрызган черной грязью.

(Басё)

XXI

Меченосцы шумной толпой
Подгоняют коня господина.
Как быстро пронесся конь!

(Кёрай)

XXII

Расплескалась из ведер вода
У мальчиков-подмастерьев.

(Бонгё)

XXIII

Дом покупателя ждет.
Рогожи в дверях и окнах...
Но старый колодец хорош!

(Басё)

XXIV

Среди травы багровеет
Созревшего перца стручок.
(Кёрай)

XXV

В ярком сиянье луны
Сандални из соломы
С тихим шорохом кто-то плетет.
(Бонгё)

XXVI

Из халата блох выбивает
На дворе одинокий вдовец.
(Басё)

XXVII

Громко хлопнула вдруг
Крышка на крысоловке.
А в доме — и крысы нет!
(Кёрай)

XXVIII

У сломанного сундука
Верх давно отвалился...

(Бонгё)

XXIX

Открыта ветрам и дождю,
Стоит убогая хижина...
Недолговечный приют!

(Басё)

XXX

Венец одинокой жизни —
Создан изборник стихов!

(Кёрай)

XXXI

Старик перечел стихи.
Дрогнули воспоминанья...
Сколько раз он любил!

(Бонгё)

XXXII

Конец один для поэта:
Нищета в закоулке глухом...
(Басё)

XXXIII

Отчего — и сам не поймет! —
Глокает он жидкое варево,
А слезы в горле стоят...
(Кёрай)

XXXIV

В доме, где нет хозяина,
Так широк опустевший пол!
(Бонгё)

XXXV

Почесывая ладонь,
Сидит одинокий сторож
В тени вишневых цветов.
(Басё)

XXXVI

Не зыблется легкая дымка...
Сон затуманил глаза.

(Кёрай)

КОММЕНТАРИИ

Басё, следуя старинному обычаю, нередко предпосылал своим стихам небольшие вступления, написанные лирической прозой. Здесь приводятся лишь немногие, наиболее интересные из них.

Отдельные краткие вступления пояснительного характера принадлежат переводчику.

ТРЕХСТИШИЯ

Стр. 27. *Хацусё* — прославленная в классической поэзии река в нынешней префектуре Нара. Басё негодует на то, что современники его, глядя на цветущие вишни, лишь бездумно веселятся, но не способны творить высокую поэзию.

Стр. 28. *Саё-но Накаяма* — горы в нынешней префектуре Сидзуока. Первая строка заимствована из стихотворения знаменитого поэта Сайгё (XII в.), некогда бродившего по этим горам: «Разве подумать я мог, // Что вновь через эти горы // Пойду на старости лет? // Вершины жизни моей // Саё-но Накаяма».

Принес бы на веере в город тебя...— В прошлом в Японии существовал обычай подносить подарки на белом веере.

Стр. 29. *Ри* — мера длины, равная 3,927 км.

Новогоднее утро.— Новый год (лунный) считался началом весны. Он был переходящей да-

той и приходился на конец января — начало февраля. В новогодний праздник ставят у ворот украшения из сосновых веток. Басё, писавшему настоящее трехстишие, исполнилось в то время тридцать лет.

Стр. 34. *Цветы мукугё* — *hibiscus syriacus*.

Машуг, словно ковыль. — Ковыль (*miscanthus sinensis*) — образ, заимствованный Басё из древней поэзии: колышущийся на ветру ковыль (точнее — мискант) словно манит кого-то к себе.

Стр. 35. *Поймаешь* — // *растает без следа.* — Мальки так прозрачны, что кажутся поэту льдинками: вот-вот растают...

Стр. 37. *Горные розы* (*kerria japonica*) так же, как и цветы сурепки, ярко-желтого цвета.

Стр. 38. *День высокого прилива* приходится на третий день третьего месяца по лунному календарю. Картинка сельского быта на морском побережье: в то время как рыбаки собирают морских моллюсков на берегу, крестьяне ищут съедобных улиток на заливных рисовых полях.

О т в е т у ч е н и к у. — Это стихотворение — своего рода отповедь поэту Кикаку, написавшему: «Я — светлячок полуночный // Мне слаще всего полынь // У хижины одинокой». Напекая на известную поговорку «У каждого свой вкус, иной червяк и полынь ест», Кикаку утверждал за поэтом право на исключительность.

Стр. 39. *С т а р и к Д у Ф у.* — Ду Фу (712—770) — великий китайский поэт эпохи Тан. В своей поэзии он с величайшей силой изобразил страдания народа. Жизнь скитальца-поэта сложилась трагически: во время своих странствий он, непрестанно тоскуя по родине, терпел нищету и холод. В последней строке стихотворения Басё использовал слова Ду Фу.

«*Но крысе водяной немного надо...*» — Басё намекает на слова китайского философа Чжуан-цзы: «Цапля даже в дремучем лесу может свить гнездо только на одной ветке дерева. Водяная крыса даже

из большой реки не может выпить больше того, что вместит ее живот». Иначе говоря, каждый будет доволен своим уделом. Басё переосмысливает эту истину иронически.

Чудится мне, в дальнем царстве У...— У — одно из трех древних царств Китая (пало в 473 г. до н. э.). Басё представляет себя бредущим зимою по дороге в царстве У.

Стр. 40. *Но мутное вино мое бело...*— Поэт имеет в виду самый дешевый сорт рисовой водки — сакэ.

Стр. 42. *В доме Кавано Сёха...*— Кавано Сёха был мастером чайной церемонии. Эстетика чайных церемоний была направлена на то, чтобы заставить забыть «о суетном мире».

Вот здесь он тоже отдыхал в тени.— Басё имеет в виду поэта Сайгё.

Стр. 53. *Звон колокольный доплыл... Из Уэно // или Асакуса?* — Уэно, Асакуса — разные районы города Эдо (Токио). Цветут вишни, в воздухе стоит дымка, даже звон колокола кажется смутным, приглушенным. Не поймешь, где он прозвучал.

Стр. 55. *Майские льют дожди.*— Месяц май (в старину пятый месяц лунного календаря) в Японии — время сезонных дождей (самидарэ).

О вдовешему другу.— Белый цвет в Японии — траурный.

Стр. 59. *Праздник Бон миновал.*— Буддийский праздник поминовения душ Бон (Урабон) справляется в середине седьмого месяца по лунному календарю. По вечерам в деревнях устраивают веселые пляски, зажигают фонари и делают приношения душам умерших предков.

Стр. 61. *Мыс Ирагодзёки* — южная оконечность полуострова Ацуми в нынешней префектуре Айти. В старинной японской поэзии было принято воспевать ястребов на этом мысе во время их осеннего перелета на юг. Там же в изгнании жил друг Басё поэт Тококу.

Стр. 64. *Мост над рекой Сэтá.*— Мост длиной

около 175 метров, был переброшен через реку в месте ее истока из озера Бива.

Ловля светлячков над рекой Сэта.— Ловля светлячков над рекой — одно из любимых летних увеселений в Японии. Поэт только что любовался вишнями, он словно видит еще их перед собою, и светлячки чертят огнем вдоль этой воображаемой картины.

Стр. 66. Смотрю ночью, как проплывают мимо рыбацьи лодки с корморанами.— Ловля рыб с помощью прирученных корморанов происходит ночью при свете огней. Кормораны (обычно на лодке их двенадцать) ныряют с лодки в воду и достают рыбу своему хозяину, который удерживает их при помощи длинных поводков. Чтобы помешать ловчим птицам заглотать рыбу, на шею им надевается кольцо. По окончании охоты кольцо снимается и кормораны получают свою долю добычи.

Стр. 69. С горы «Покинутой старухи» (Обасутё) в ночь полнолуния открывается красиво освещенный ландшафт. Название ее связано с легендой: в древности один человек, поверив лживым наговорам жены, отнес свою старую тетку, заменившую ему родную мать, на пустынную гору и покинул ее там; но, увидев, как взошел над горою чистый лик луны, раскаялся в содеянном и поспешил принести старуху обратно домой.

Горы Кисо находятся в нынешней префектуре Нагано. В старину там проходила одна из важнейших дорог Японии, связывавшая центр страны с северными ее областями.

Стр. 71. Император Нингоку (290—399) — японский легендарный «добрый государь». Ему приписывается песня, помещенная в древнем поэтическом сборнике VII века «Манъёсю». В ней он выражает свою радость при виде того, как во время праздника, согласно новогоднему обычаю, во всех дворах курятся дымки очагов. В стихотворении Басё слы-

шится упрек по адресу современных ему правителей страны.

Д р у г у.— В оригинале: первый лист павлонии, примета осени.

«Женская краса» — валериана, осенний цветок.

Стр. 72. *Омовение в реке.*— Древний обряд очищения от скверны путем омовения совершался в шестом месяце по лунному календарю, то есть в разгар лета.

Стр. 75. *Гора «Солнечного света»* (Никко), высотой почти в 2500 метров, находится в нынешней префектуре Татиги, возле города Никко. На склонах ее расположены храмы.

Стр. 76. *Ядом дышит скала.*— В префектуре Татиги есть скала, возле которой из земли выходит ядовитый газ, убивая птиц и насекомых. Согласно легенде, в эту скалу обратилась убитая лисица. Поблизости поставлен камень с высеченным на нем стихотворением; традиция приписывает его Басё: «Облака одни // Могут пролететь в небесной вышине // Над тобой, скала».

Стр. 77. *Застава Сиракава* в столице, сооруженная еще в начале V в., служила как бы воротами на север. Поэт Ноин (988—1050) посвятил ей знаменитое стихотворение: «Когда покидал я столицу, // Дорожным товарищем моим // Была весенняя дымка. // Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава».

Стр. 80. *Могáми* — судоходная река с очень быстрым течением, впадает в Японское море возле гавани Саката.

Там, где родится поток...— В Японии лед на лето сохраняют в земле; Басё ищет такой ледник у истоков ручья, но внезапно обнаруживает, что ива начала поиски раньше его.

Стр. 82. *Праздник «Встречи двух звезд»* (японски «Танабата»).— В ночь на седьмое число седьмого месяца по лунному календарю, согласно древней легенде, сороки строят мост через Небес-

ную реку (Млечный Путь), чтобы дать возможность встретиться двум влюбленным звездам — Пастуху и Ткачихе (Вега и Алтаир).

...до острова Садо, // Стелется Млечный Путь.— Остров Садо находится в Японском море. Поэту кажется, что Млечный Путь протянулся к острову, словно мост.

Стр. 83. *Арисó* — старинное название залива в провинции Кага, ныне залив Тояма в одноименной префектуре. Название Арисо встречается в древней японской поэзии и потому богато поэтическими ассоциациями.

Иссё (1653—1688) — поэт и чаоторговец, жил в городе Канадзава.

Стр. 85. *Равнина Мусáси* сравнительно велика для гористой Японии. На ней расположен город Эдо (Токио).

Стр. 86. Ш л е м С а н ё м о р и.— Сайто Санэмори — знаменитый воин XII в. В легенде о нем рассказывается, что, будучи уже семидесятилетним старцем, он выкрасил свои волосы в черный цвет, перед тем как идти на битву. В храме Тода города Комацу провинции Кага хранился как реликвия шлем Санэмори, который он надел перед своим последним сражением.

Белее белых скал...— Старая поэтическая традиция в Японии связывает с осенним ветром представление о белом, мертвенном цвете.

Стр. 95. *Нищий в толпе?* — Поэт хочет сказать, что под лохмотьями нищего может скрываться человек необыкновенный.

Стр. 98. *Озеро Ниб* (Бива) — самое большое озеро Японии, известное своей красотой.

Жаворонок поет, и трель его звучит как флейта, а крик фазана — как удары барабана; получается своего рода оркестр.

Стр. 99. *Гора Микáса* находится у города Нára; отражая звуки, она будто бы откликается на голоса прохожих.

Алые сливы в цвету...— Женщины высшего сословия были скрыты от чужого взора разными завесами.

Стр. 104. *Замешался в грудю крешеток // Одинокий сверчок.*— Рисунок на спине сверчка напоминает узор на панцире креветки, поэтому отличить сверчка среди креветок нелегко.

Один мудрый монах сказал...— Стихотворение направлено против «мыслителей», часто и не к месту повторяющих давно уже не новые слова о быстротечности человеческой жизни.

Стр. 110. *Сампу (1647—1732)* — житель Эдо, придворный поставщик рыбы, один из наиболее способных учеников Басё.

Песок закрипел на зубах...— Это неприятное чувство вызывает у поэта еще более неприятные ассоциации.

Стр. 111. *Мандзэй* — странствующий певец, исполнявший новогодние песни и пляски.

Стр. 115. *Тимаки* — рисовая начинка, завернутая в листья бамбука; праздничное кушанье.

«Безводный месяц» — старинное название шестого месяца года по лунному календарю.

Стр. 119. *Храм Укимидо* (Плавучий храм) выстроен на берегу озера Бива таким образом, что кажется, будто он плывет по воде.

Шестнадцатая ночь.— Автор имеет в виду полнолуние восьмого лунного месяца. Люди торопятся сварить креветок, чтобы успеть полюбоваться восходом осенней луны.

Стр. 120. *Стропила моста поросли «Печаль-травой»...*— Имеется в виду знаменитый мост над рекой Сэта. Печаль-трава — род папоротника (*davallia bullata*).

Стр. 121. *В маленькой клетке подвешен // Пленный сверчок.*— В Японии и Китае стрекозующих насекомых (сверчков, цикад) держат в доме в маленьких клетках, как певчих птиц.

«Праздник хризантем» справляется в Японии девятого числа девятого месяца.

Стр. 128. *Расёмон* — название южных городских ворот в городе Киото. Эти ворота, воздвигнутые в начале IX в., были по тому времени значительным архитектурным сооружением, но стояли они в пустынном месте, скоро обветшали, и про них в народе было сложено много страшных легенд. Ворота Расёмон считались прибежищем демонов и разбойников.

Стр. 133. *К северу от суетного мира...* — Отшельники в Японии обычно селились в северных горах.

Стр. 137. *Зимний день.* — В средневековой Японии бродячие монахи просили подаяния, вызывая хозяев из дома ударами в маленький гонг.

Стр. 138. *Обезьяна толпу потешает...* — В Японии существовал обычай во время новогоднего праздника водить по городу сбезьяну. Для потехи на нее надевали обезьянью маску. Люди смеялись, не замечая, что и они, нарядившись к празднику, тоже, в сущности, ничуть не изменились.

Стр. 139. *Исчезло черное платье из перьев...* — Согласно древней китайской легенде, отшельники-чародеи могли летать на журавлях.

Стр. 140. *Мацукура Ранран (1647—1693)* — житель города Эдо; один из учеников Басё и его ближайший друг.

Стр. 141. *Тодзюн* (умер в 1693 г.) — отец Кикаку, талантливого поэта школы Басё.

Стр. 143. «*Птицы сорокалетия*» (сидзюкара — японские большие синицы). — Сорокалетие считается в Японии «первой старостью».

Праздник Эбисукё справлялся двенадцатого числа десятого месяца по лунному календарю в честь Эбису, бога — покровителя торговли. Вид убитой утки печально контрастирует с веселым оживлением на торговых улицах города.

Стр. 145. *Давно обветшала сосна...* — то есть стерся рисунок на ширме в обедневшем доме.

Стр. 146. *Повсюду пестики стучат.*— Стук пестиков означает, что всюду в домах готовят моти — годоводные лакомства из вареного риса, который толкут в ступке пестиком.

Стр. 147. *Кано Мотонобу (1476—1559)* — знаменитый художник, сочетавший в своей живописи традиции японского искусства с китайским классическим стилем Сунской эпохи. Так как в Японии было принято расплачиваться с долгами к Новому году, то появление в лавке картины кисти Кано Мотонобу могло говорить только о разорении какого-то богатого дома.

Стр. 149. *Четыре простые чашки.*— Имеется в виду набор чашек типа пиал для различных кушаний; таким набором пользуется и один человек.

Стр. 152. *На пути в Сурюга...*— Сурюга — название старой провинции в центре Японии (ныне префектура Сидзуока), славившейся производством чая. Басё сложил это стихотворение во время своего последнего путешествия в 1694 г.

Ои — река длиной в 120 км, впадает в залив Сурюга. В средневековой Японии запрещалось переправляться через нее на лодке или переходить ее по мосту. Можно было только переходить вброд или пользоваться услугами носильщиков. Это создавало большие трудности для путников, особенно во время дождей.

Стр. 153. *Сага* — пригород Киото, известный своими бамбуковыми рощами. Басё остановился в Сага у своего ученика Ямэя и сочинил это хокку в честь гостеприимного хозяина.

Стр. 155. *А к т е р т а н ц у е т в с а д у.*— Актеры в старинном японском театре «Но» надевали маски. Басё написал это стихотворение в честь своего друга — поэта, исполнявшего неси и пляски «Но». Басё был гостем в его доме.

Стр. 156. *Услышав о кончине монахи-ни Дзютэй.*— Во время своего последнего путешествия Басё получил грустную весть о смерти

монахини Дзютэй (ее прежнее имя неизвестно), которая была подругой его молодости. Она скончалась в шестом месяце 1694 г. В свое время Басё дал приют ей и ее трем детям в своей «Банановой хижине» и заботился о них до самой своей смерти.

Стр. 159. *В капищах древней Нары...*— Город Нара, бывший в VIII в. столицей Японии, славится древними храмами.

Стр. 160. *Сономэ* (1664—1726) — талантливая поэтесса, жена врача в городе Осака, принимала поэта у себя в доме незадолго до его смерти.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА «КОСТИ, БЕЛЕЮЩИЕ В ПОЛЕ»

Стр. 167. *Лук для очистки хлопка.*— Вату отбивали для очистки с помощью особого приспособления, похожего по форме на лук.

...грустно валёк стучит в темноте.— В поэзии Китая и Японии стук валька по мокрому белью — традиционный мотив осенней печали.

Стр. 168. На могиле императора Годайго.— Могилы императора-изгнанника Годайго (1288—1339) находятся в горах Ёсино, в нынешней префектуре Нара.

Ты так же печален, // Как сердце погибшего здесь Ёситомо.— Минамото-но Ёситомо (1123—1160) — крупный военачальник своего времени. Потерпев поражение во время так называемого мятежа годов Хэйдзи, скрылся в провинции Овари, где и был убит собственным вассалом.

Застава Фува на стыке провинций Оми и Мино многократно воспета поэтами древности.

Стр. 169. *Мастер «безумных стихов» Тикусай...*— Бродяга Тикусай был героем одной из популярных повестей XVII в. «Безумные стихи» (кёка) — жанр японской поэзии: танка в комическом стиле.

Стр. 172. *Начинается «год Быка».*— Для счисления времени в старой Японии, как и в Китае, при-

менялись особые циклические знаки. Двенадцать из них носили названия разных животных, а пять — названия стихий, согласно старинным представлениям о природе. С этой системой было связано множество суеверий. Комментируемое хокку — стихотворение-шутка. Человек, навьюченный, как бык, — картинка, подходящая для начала года, ведь год этот — под знаком быка.

Стр. 173. Фусими — во времена Басё — южное предместье города Киото. В стихотворении иносказательно выражено приветствие другу, увидев которого поэт пролил слезы радости.

СТИХИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА
«ПИСЬМА СТРАНСТВУЮЩЕГО ПОЭТА»

Стр. 177. ...*Письма странствующего поэта.* — В оригинале этот дневник носит название «Ои-но кобуми», то есть письма из ои — небольшой сумы, которую буддийские монахи носили на шее. В ней хранились священные изображения и дорожные принадлежности.

Стр. 180. *Берег Ирагодзаки* — см. примеч. к с. 61.

На обновление храма Ацута. — Синтоистский храм Ацута находится в городе Нагоя. Одной из священных принадлежностей национального синтоистского культа является зеркало.

Стр. 181. ...*люди идут // Через горы Хаконэ.* — Хаконэ — цепь высоких гор в центре главного острова Японии — Хонсю; к этой цепи принадлежит и знаменитая гора Фудзи. Перевал через горы Хаконэ зимою считался одним из самых трудных мест Токайдоского тракта, соединявшего города Киото и Эдо.

Стр. 184. В саду покойного поэта Сэнгина. — Поэт Сэнгин (Тодо Ёситада; 1642—1666) был сыном феодала, у которого служил Басё. Общая любовь к поэзии соединила знатного юношу и бедного самурая, но Сэнгин рано умер.

Посещаю храмы Исэ.— Синтоистские храмы в провинции Исэ были сооружены в глубочайшей древности и с тех пор периодически восстанавливаются в прежнем виде. Главный из них посвящен культуре богини солнца Аматэрасу.

Стр. 185. Развалины храма на горе Бодайсан.— Гора Бодайсан находится в провинции Исэ, поблизости от долины, где жил поэт Сайгё. Стоявший на ней некогда храм ко времени Басё превратился в руины.

Стр. 188. *Ужель он уродлив, бог этой горы?* — Согласно легенде, бог горы Кацураги был настолько уродлив, что вынужден был скрываться от людских взоров.

Стр. 189. *Асунарб* — туопсис японский, букв. перев. названия: «завтра стану!» (кипарисом).

Стр. 191. *Крик одинокий фазана!* — В японской народной поэзии фазан — символ родительской любви, потому что не покидает своих птенцов, когда поле выжигают огнем.

Ушедшую весну...— Гавань Вака находится в провинции Кии (ныне префектура Вакаяма). Басё смотрел перед этим на вишни в горах Ёсино, но печальные мысли мешали поэту радоваться весне. И только здесь, на берегу воспетой поэтами гавани Вака, он впервые почувствовал радость весны.

В день смены зимней одежды на летнюю.— Зимнее платье, по обычаю, меняли на летнее в первый день четвертого месяца по лунному календарю.

Стр. 192. Посещаю город Нара.— В городе Нара, где до сих пор бродят на свободе стада оленей, торжественно празднуется день рождения основателя буддийской религии Шакья-Муни (8 апреля).

Стр. 194. *Храм Сумадэра* находится в городе Кобэ.

СЦЕПЛЕННЫЕ СТРОФЫ (РЭНКУ)
ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА
«СОЛОМЕННЫЙ ПЛАЩ ОБЕЗЬЯНЫ»

Стр. 195. *Сцепленные строфы*, или цепочки стихотворений (*рэнку*).— Каждая строфа в «рэнку» — законченное маленькое стихотворение. Но в то же время любое трехстишие в сочетании с двустишием образует «сложное стихотворение» («танка»), и притом в двух вариантах. Для этого нужно присоединить к трехстишию предыдущую или последующую строфы (двустишия).

Стр. 197. Строфа I. Лето в городе.

Бонтё (?—1714) — Нодзава Бонтё, ученик и друг Басё, врач в городе Киото; оставил много замечательных хокку; один из составителей поэтической антологии «Соломенный плащ обезьяны».

Строфа III. Лето в деревне.

Стр. 198. Строфа V. Харчевня в горах.

Кёрай (1651—1704) — Мукаи Кёрай, ученик и друг Басё, один из лучших поэтов его школы. Записал беседы Басё о поэтическом искусстве.

Стр. 199. Строфа IX. Монахиня, сожалеющая о том, что приняла постриг.

Строфа XI в сочетании с предыдущей — старый рыбак; в сочетании с последующей — старый привратник в знатном, но обедневшем доме.

Стр. 201. Строфа XIII в сочетании с предыдущей — картина любовного свидания; в сочетании с последующей — убогая баня.

Стр. 207. Строфа XXXIII в сочетании с предыдущей — нищий поэт; в сочетании с последующей — привратник в доме, покинутом хозяевами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Маркова.</i> Предисловие	5
Трехстишия (хокку)	23
Стихи из путевого дневника («Кости, белеющие в поле»)	161
Стихи из путевого дневника («Пись- ма странствующего поэта»)	177
Сцепленные строфы (рэнку) из поэ- тического сборника «Соломенный плащ обезьяны»	195
Комментарии	209

БАСЕ · СТИХИ

Редактор

И. КИМ

Художественный редактор

Ю. КОННОВ

Технический редактор

В. КУЛАГИНА

Корректор

Г. ВОЛОДИНА

ИБ № 3575

Сдано в набор 14.07.83. Подписано в печать 2.10.84. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага мелован. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,17. Усл. кр.-отт. 17,29. Уч.-изд. л. 5,01. Тираж 30 000 экз. Изд. № VIII-1119. Заказ № 2277. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

БАСЁ

БАСЁ
СТИХИ

БАСЁ